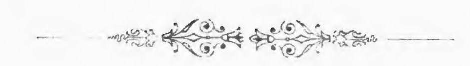
ДОБЛЕСТЬ НИЖЕГОРОДЦА.

ТИФЛИСЪ, ЛИТ. К. МЕСХІЕВА.

1701—1901 г.

Доблесть Нижегородца.

ТИФЛИСЪ.
Типографія Е. А. Либерманъ, Крыловская, 15.

1907.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
579868

Введеніе.

Одна изъ главныхъ причинъ постоянныхъ успѣховъ доблестныхъ Нижегородцевъ въ теченіе ихъ славной двухсотлѣтней службы — дружная общая работа офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

На полѣ битвы офицеры всегда находились впереди, и по нимъ равнялись драгуны, поддерживая и выручая во время боя своихъ начальниковъ. Въ Нижегородскомъ полку не было случаевъ, чтобы драгунъ подумалъ о возможности отстать отъ своего офицера. Въ свою очередь и офицеры твердо вѣрили своимъ нижнимъ чинамъ, знали ихъ, цѣнили и увѣренно вели въ дѣло.

Въ мирное время тѣ-же офицеры подготовляли грозныхъ для боя Нижегородцевъ, обучая ихъ и вселяя въ нихъ ***военную доблесть***, передавая разсказы про былыя безсмертныя дѣла дѣдовъ и отцовъ.

Теперь, празднуя двухсотлѣтіе существованія полка, мы рѣшили повѣдать на бумагѣ своимъ молодцамъ драгунамъ про ***доблесть Нижегородца***. Пользовались мы при этомъ почти исключительно своею полковою исторіею, выписывая часто цѣликомъ нѣкоторыя страницы, считая грѣхомъ портить увлекательныя художественныя описанія нашего исторіографа, генералъ-маіора Василія Александровича Потто. Приходилось лишь принаравливаться къ будущимъ читателямъ.

Доблесть Нижегородца.

На Руси навѣрно не найдется ни одного воина, который бы не слыхалъ про боевой и славный Нижегородскій драгунскій полкъ.

Даже на самомъ Кавказѣ, гдѣ много старыхъ боевыхъ частей, къ Нижегородцамъ относятся съ глубокимъ уваженіемъ. Когда въ 1864 году, по покореніи Кавказа, послѣдовало милостивое царское повелѣніе объ увольненіи въ отставку нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, то командиру Нижегородцевъ приказано было взамѣнъ ушедшихъ выбрать молодыхъ солдатъ изъ полковъ 19-й, 38-й и 39-й пѣхотныхъ дивизій. Кн. Амилахвари прибылъ для выбора и въ Бакинскій полкъ, командиръ котораго полк. Кобіевъ, выведя 50 отборныхъ молодцевъ своего полка, сказалъ: „Помните, братцы, куда идете, въ какой полкъ поступаете! Самая высокая награда воину — **это быть солдатомъ-Нижегородцемъ,** и я, вашъ командиръ, почелъ бы за честь быть рядовымъ знаменитаго полка“.

Такъ цѣнили Нижегородцевъ товарищи. Знало и уважало Нижегородцевъ и начальство.

Воевавшій съ ними въ Персіи и Турціи, знаменитый нашъ полководецъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, слѣдя съ горы за атакой Нижегородцевъ въ

сраженіи при Бейбуртѣ, обнялъ стоявшаго рядомъ генерала Потемкина и сказалъ: „Вотъ Вамъ мои Нижегородцы! Они съ своимъ достойнымъ начальникомъ, княземъ Андронниковымъ, не знаютъ, что значитъ невозможное“. Затѣмъ, на слѣдующій день, обходя Нижегородцевъ онъ благодарилъ говоря: „такой атаки я не видалъ въ теченіе всей своей боевой службы“.

Когда же въ 1846 году Нижегородцы въ славномъ Кутишинскомъ дѣлѣ верхами врѣзались въ укрѣпленный аулъ, кавказскій намѣстникъ, князь Воронцовъ, отдалъ приказъ объ этомъ подвигѣ и велѣлъ вездѣ, гдѣ только была артиллерія, палить при чтеніи приказа изъ пушекъ въ честь Нижегородцевъ. По возвращеніи изъ похода этого въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру, Нижегородцы были встрѣчены у воротъ города генераломъ княземъ Бебутовымъ съ двумя хорами музыки и со всѣмъ народонаселеніемъ. Музыка играла Нижегородскій маршъ, а съ крѣпости въ ихъ честь гремѣли пушки. Затѣмъ въ 1848 году, тотъ же кн. Воронцовъ, послѣ блестящей атаки Нижегородцевъ въ Гойтинскомъ лѣсу сказалъ: „Я не удивляюсь тому, что вы сдѣлали сегодня, пусть удивляются другіе, а я васъ давно знаю. Еще два—три такихъ урока, и чеченцы отучатся бросаться въ шашки, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи Нижегородцевъ.

Даже суровый, скупой на похвалы, генералъ гр. Евдокимовъ сказалъ: „Нижегородскій полкъ ни въ какихъ похвалахъ съ моей стороны не нуждается. Онъ зарубилъ себѣ такую историческую славу, которая никогда не умретъ въ лѣтописяхъ русской арміи“.

И слава эта гремѣла не только въ русской арміи, но была извѣстна и врагамъ.

Персы, горцы и турки знали Нижегородцевъ по дѣламъ ихъ.

Главнокомандующій разбитой нами персидской арміи, принцъ Аббасъ-Мирза, по окончаніи мира просилъ показать ему Нижегородцевъ. Онъ хотѣлъ съ ними познакомиться, не вѣря, чтобы простые люди могли такъ хорошо атаковать въ конномъ строю и такъ быстро спѣшиваться.

Послѣ Кюрюкъ-Даринскаго сраженія, турецкій главнокомандующій Зерифъ-паша сказалъ нашему парламентеру: „Военнымъ людямъ нельзя не уважать другъ друга. Поклонитесь вашимъ храбрымъ драгунамъ. Скажите Нижегородцамъ, что они отличные аскеръ-адамларъ (военные люди). Такъ я о нихъ думаю, такъ и всѣ думаютъ.

А послѣ удачныхъ дѣйствій противъ турокъ въ другое время нашъ главнокомандующій спросилъ у одного изъ плѣнныхъ Карапапахскихъ старшинъ, какъ дѣйствовала русская конница? Тотъ отвѣчалъ: „Мы прежде рубили вашихъ казаковъ, какъ капусту, а сегодня, одѣтые въ какіе то бѣлые балахоны, они безъ страха лѣзли впередъ и противъ нихъ устоять было невозможно“. Солдаты въ бѣлыхъ балахонахъ— были Нижегородцы.

Горцы звали Нижегородцевъ **„Шайтанъ-солдатъ“**. Когда полкъ пришелъ въ страну шапсуговъ, то черкесы пріѣзжали въ лагерь и съ любопытствомъ разспрашивали, что это за драгуны, которыхъ они никогда не видали. Имъ объяснили, что они воевали съ чеченцами и взяли въ плѣнъ Шамиля. Тогда Шапсуги переглянулись и заговорили: „О, О!, Шамиль драгунъ, Кирмизъ (красный) драгунъ; про нихъ они слыхали, слава о Нижегородцахъ дошла до нихъ...

И въ 1861 г., во время поѣздки по Кавказу, Государь Императоръ Александръ II-й, вызвавъ впередъ всѣхъ офицеровъ и георгіевскихъ кавале-

ровъ сказалъ: „Нижегородцевъ я считаю своимъ первымъ кавалерійскимъ полкомъ". Затѣмъ въ 1864 году, на парадѣ въ Красномъ селѣ, по случаю покоренія Кавказа, Его же Величество, подойдя къ присутствующимъ георгіевскимъ кавалерамъ Нижегородскаго полка сказалъ: „А для вашего полка я не могъ найти награды; всѣ награды вы уже заслужили своими подвигами. Я могъ только записать себя самаго въ полкъ вашъ... И государь очень часто носилъ Нижегородскій мундиръ.

По завѣту, любовь и уваженіе къ полку перешли къ Государю Императору Александру III-му. Въ 1881-мъ году Нижегородцы получили въ день своего праздника отъ Его Величества телеграмму: „Поздравляю искренно славный Нижегородскій полкъ съ праздникомъ. По примѣру покойнаго Моего родителя, который зачислилъ себя въ списки полка, въ память доблестной и молодецкой боевой службы Нижегородцевъ и я желаю сдѣлать тоже. Какъ покойный Батюшка, такъ и я буду гордиться носить мундиръ этого славнаго историческаго полка. Передайте это полку. Я увѣренъ, что всегда и во всемъ полкъ будетъ поддерживать свою славную репутацію.

А въ 1892 году назначенъ шефомъ полка Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Что же за чудо Нижегородскій драгунъ, „Шайтанъ драгунъ"? Вѣрно ростомъ слишкомъ великъ, пожалуй не ѣздитъ-ли онъ на крылатыхъ коняхъ и не рубитъ ли заколдованнымъ оружіемъ?

Нѣтъ, далеко нѣтъ! Бывали времена, что, изорвавшись въ постоянныхъ бояхъ и походахъ, Ниже-

городцы ходили истрепанными, ѣздили на почти невыѣзженныхъ коняхъ, рубили затупившимися шашками и стрѣляли отъ времени испорченнымъ оружіемъ. Но ростомъ невеликіе, загрязненные въ походахъ, Нижегородцы не знали неудачъ въ бояхъ.

Въ чемъ же дѣло? въ чемъ заключается побѣда?

Побѣда Нижегородца—въ самомъ себѣ...

Нижегородецъ больше всего боится Бога. „Господи помилуй, помоги Боже“, говоритъ всегда онъ, идя въ бой за вѣру, царя и отечество.

И это упованіе въ Бога не остается безъ награды. Нижегородскій полкъ всегда изъ всѣхъ дѣлъ выходилъ со славою. Въ 1848 году, во время дѣйствій въ Чечнѣ, начальникъ отряда, баронъ Меллеръ Закомельскій, подъѣхалъ къ Нижегородцамъ и сказалъ, „Драгуны, Вы Богомъ хранимое войско“. Въ одинъ день два раза пройти черезъ такія опасности, пройти черезъ такіе лѣса, какъ на Гойтѣ и Рошнѣ и возвратиться почти цѣлыми—это чудо, которому никто не повѣритъ“.

Случилось однажды, что милость Божья проявилась къ полку совершенно особеннымъ образомъ. Нѣсколько храбрѣйшихъ Нижегородцевъ сподобились быть убитыми въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Вотъ какъ это было:

Раннею весною 1851 года, сводный дивизіонъ Нижегородцевъ (1 и 10 эскадроны), подъ начальствомъ подполковника Золотухина, былъ расположенъ въ Большихъ Казаницахъ, готовясь къ дѣйствіямъ противъ знаменитаго наиба Хаджи-Мурата.

Въ самую полночь Свѣтлаго Христова Воскресенья вдругъ ударили тревогу. Пришло извѣстіе, что Хаджи-Муратъ отбилъ табунъ Самурскаго полка и захватилъ въ плѣнъ родственницу Шамхала.

Начальникъ Дагестанскаго отряда, кн. Аргутинскій-Долгорукій, приказалъ подполковнику Золотухину немедленно идти преслѣдовать Хаджи-Мурата. Съ Нижегородцами было отправлено 1000 человѣкъ Шамхальской милиціи, а вслѣдъ двинуть баталіонъ съ двумя орудіями.

Выступили Нижегородцы и, въ ожиданіи полученія свѣдѣній о непріятелѣ на привалѣ разговѣлись захваченными съ собою красными яйцами, куличемъ и пасхою. Тутъ пришло извѣстіе, что партія Хаджи-Мурата пошла на Атлы-Буюнъ; Золотухинъ бросился впередъ.

Проскакавъ нѣсколько верстъ, драгуны увидѣли высокую гору, покрытую лѣсомъ, на вершинѣ ея стоялъ редутъ, а надъ нимъ развѣвался знакомый всѣмъ значокъ Хаджи-Мурата.

Тутъ получилъ Золотухинъ извѣстіе, что посланная за ними пѣхота свернула на другую дорогу. Несмотря на это храбрый дивизіонеръ рѣшилъ атаковать непріятеля.

Предоставивъ милиціи обойти гору и завязать перестрѣлку, онъ спѣшилъ первый эскадронъ.

Тогда, обратившись къ командиру 1-го эскадрона, капитану Джемарджидзе, Золотухинъ сказалъ:

— „Съ Богомъ! ведите эскадронъ“.

Самъ же вынулъ шашку и пошелъ на гору впередъ. Горцы открыли убійственный огонь, вырывая изъ строя многихъ нашихъ драгунъ.

Но Нижегородцы все шли и очутились на полянѣ, въ 25 шагахъ отъ редута.

Золотухинъ обошелъ тутъ еще разъ ряды и, ставъ передъ фронтомъ, громко крикнулъ:

— „Христосъ Воскресе, ребята“!

— „Воистину Воскресе“! дружно отвѣтилъ эскадронъ и съ этимъ молитвеннымъ крикомъ, замѣнив-

шемъ въ великій день Пасхи обычное боевое ура— ринулся къ редуту.

Горцы дали залпъ, но Золотухинъ съ нѣсколькими драгунами былъ уже въ укрѣпленіи. Онъ первый вскочилъ на завалъ, и схватился уже рукою за непріятельскій значокъ, когда Хаджи-Муратъ съ крикомъ „Начальникъ долженъ быть убитъ начальникомъ“! кинулся на него съ поднятою шашкою. Золотухинъ разрубилъ ему пальцы, но Хаджи-Муратъ, выронившій шашку, выхватилъ лѣвой рукой пистолетъ и выстрѣломъ въ упоръ убилъ Золотухина;— пуля прошла черезъ самое сердце. Было бѣжавшіе горцы, снова ободрились.

Весь валъ былъ усѣянъ убитыми и ранеными: командиръ 1-го эскадрона капитанъ Джемарджидзе, вскочившій въ редутъ изъ первыхъ, упалъ съ простѣленною ногою: какой-то горецъ сунулъ ему въ лицо горящую головню и обжегъ глаза. Поручики Штейнъ и Симашкевичъ лежали раненые: прапорщикъ князь Ратіевъ, извѣстный красавецъ и джигитъ, былъ убитъ. Старшему вахмистру 1-го эскадрона, Соплывенко, пуля пробила грудь на вылетъ, а смѣнившіе его на валу юнкера Ушаковъ и Андреевъ, были также ранены: унтеръ-офицеръ Волошинъ лежалъ съ разбитою головою.

80-ти Нижегородцамъ пришлось бороться съ пятью-стами горцевъ. Произошло это потому, что милиція, отстрѣливаясь только для виду, не поддержала драгунъ.

Болѣе бороться было нельзя. Нижегородцы подняли тѣло убитаго Золотухина, собрали своихъ раненыхъ, и, отстрѣливаясь медленно, неторопливо стали отодвигаться къ лѣсу. Хаджи-Муратъ выскочилъ было изъ редута, чтобы окончательно уничтожить горсть отступавшихъ драгунъ, но его любимый

нукеръ Каиръ-бекъ схватилъ его за руку. „Что ты дѣлаешь“? закричалъ онъ ему: „Опомнись! Въ лѣсу еще есть драгуны, и насъ уничтожатъ“. Дѣйствительно, пикинерный (10-й) эскадронъ выслалъ спѣшенный взводъ, который, побросавъ свои пики и карабины, вооружился ружьями отъ убитыхъ драгунъ, разсыпалъ цѣпь и прикрылъ отступленіе.

Изъ 80 человѣкъ 1-го эскадрона, пошедшихъ на штурмъ, вернулось только 18: убиты и умерли отъ ранъ: Золотухинъ, князь Ратіевъ и 23 драгуна. Ранены 3 офицера и 39 нижнихъ чиновъ.

Подошла пѣхота и на другой день перевезли раненыхъ и убитыхъ въ Шуру, гдѣ они были торжественно похоронены.

Это Господь сподобилъ призвать къ себѣ въ Свѣтлое Христово Воскресенье, въ такой великій день, ангельскую душу Золотухина, князя Ратіева и другихъ“, говорили Нижегородцы.

Нижегородецъ безконечно преданъ своему Царю.

Умереть за родину и Государя—мечта драгуна. Не словами, а дѣломъ старается Нижегородецъ доказать свою безпредѣльную любовь Государю Императору.

И съ высоты своего престола русскіе цари, одинъ за другимъ шлютъ Нижегородцамъ свое благоволеніе.

По окончаніи послѣдней русско-турецкой войны, въ Петербургѣ, на Георгіевскомъ праздникѣ, Государь Александръ Николаевичъ, бывшій въ мундирѣ Нижегородскаго полка, подозвалъ къ себѣ присутствующихъ на парадномъ обѣдѣ Нижегородскихъ офицеровъ и сказалъ: „Передайте вашимъ товарищамъ, что я счастливъ, когда бываю въ вашемъ мундирѣ, и что полкъ показалъ себя на войнѣ достойнымъ своихъ славныхъ предмѣстниковъ“.

„Нижегородскія шашки никогда не затупѣютъ противъ враговъ Вашего Величества.“ отвѣтилъ на это маіоръ Кусовъ.

„Это я вижу“ — сказалъ Государь, милостиво улыбаясь: — „Васъ пятеро — и всѣ георгіевскіе кавалеры“ и тутъ же добавилъ, что сегодня подписалъ грамоту полку на награду, какой еще не бывало въ Россіи.

Наградою этою были широкія Георгіевскія ленты 1-ой степени на старые Нижегородскіе Георгіевскіе Штандарты.

Послѣ Бога, Царя и Отечества больше всего на свѣтѣ любитъ Нижегородецъ свой полкъ.

„Я Нижегородецъ,“ не только говоритъ Нижегородецъ, но постоянно думаетъ, боясь словомъ или дѣломъ посрамить свой дорогой, старый, боевой полкъ.

Во время покоренія Чечни и Дагестана, въ 1859 году, Нижегородцы должны были вечеромъ совершить переходъ по гористой лѣсистой Ичкеріи, гдѣ конница обыкновенно во избѣжаніе потерь двигалась подъ прикрытіемъ пѣхоты. Куринцы предложили Нижегородцамъ свою роту. „Поблагодарите своего командира,“ сказалъ графъ Ностицъ, командиръ Нижегородскаго полка, присланному офицеру, „поблагодарите за любезное предложеніе, но Нижегородцамъ идти подъ охраною пѣхоты не подобаетъ; скажите ему, что съ моими молодцами я пройду всѣ кавказскія трущобы.

Не успѣлъ графъ это вымолвить, какъ дивизіонъ грянулъ ура. Благодаримъ Ваше Сіятельство, за доброе слово! послышалось въ рядахъ Нижегородцевъ.

Все свое достояніе, все самое дорогое, готовъ отдать Нижегородецъ родному полку.

Въ 1877 году въ бою на Везинкевскихъ высотахъ, унтеръ-офицеръ 1-го Нижегородскаго эскадрона Мурашкинъ отбилъ турецкое знамя и за подвигъ этотъ получилъ знакъ отличія Военнаго ордена 2-й степени. Ему же былъ переданъ завѣтный рубль, присланный генералу Гейману, при самомъ началѣ войны, однимъ владикавказскимъ мѣщаниномъ, съ просьбою передать его тому, кто первый возьметъ турецкое знамя.

Въ декабрѣ 1878 года Мурашкинъ отслужилъ свой срокъ и вышелъ въ отставку. Прощаясь съ полкомъ онъ досталъ свой серебряный рубль, который берегъ, какъ зѣницу ока, и просилъ сохранять его при полку, такъ какъ этотъ рубль принадлежитъ не ему, Мурашкину, а составляетъ достояніе цѣлаго полка: не будь онъ самъ Нижегородецъ, онъ можетъ быть никогда бы и не взялъ этого знамени. Оставляя рубль въ полку, Мурашкинъ просилъ—нельзя ли какъ нибудь подписать, что рубль заслуженъ былъ Мурашкинымъ.

Просьба молодца унтеръ-офицера была исполнена, и теперь этотъ рубль, помѣщенный въ особомъ кіоткѣ, сохраняется полкомъ въ той самой комнатѣ, гдѣ стоятъ полковые Штандарты и всѣ памятники полка.

О товарищеской связи полка можно судить по установившемуся въ полку прощанію со Штандартами.

Обычай этотъ былъ введенъ въ 1864 году, когда по окончаніи покоренія Кавказа сразу было уволено въ отставку много старыхъ солдатъ. Тогда въ первый разъ полковой священникъ отслужилъ отставнымъ напутственное молебствіе передъ аналоемъ, вокругъ котораго помѣстились отслужившіе Нижегородцы. Преклонивъ колѣна, усердно молились старые драгуны въ послѣдній разъ передъ своимъ полко-

вымъ образомъ знаменія Божіей Матери. Когда пропѣли многолѣтіе Царскому дому, а затѣмъ „путешествовати хотящимъ“, и священникъ окропилъ всѣхъ святою водою, наступила торжественная минута, глубоко врѣзавшаяся въ памяти присутствовавшихъ. Справа по одному стали подходить къ святому кресту отставные драгуны и потомъ, поклонившись до самой земли, цѣловали полотнища наклоненныхъ надъ ними Штандартовъ. Подъ этими Штандартами протекла вся ихъ честная служба, и теперь когда старые солдаты, сотворивъ крестное знамя, припадали устами къ холодной ткани Штандарта, не одна горячая слеза капнула на сѣдые усы, на бакенбарды и на грудь, завѣшанную медалями; плакали, впрочемъ, всѣ, и уходившіе и остававшіеся,—до того умилительными были эти минуты прощанія.

По окончаніи церемоніи грянулъ Нижегородскій маршъ, и полкъ двинулся провожать своихъ старыхъ солдатъ за 12 верстъ, въ станицу Ханскую, гдѣ заблаговременно были приготовлены столы съ закуской. Тутъ была поднята послѣдняя заздравная чаша съ лучшими пожеланіями старымъ сослуживцамъ, и тамъ же молодые драгуны выслушали въ свою очередь послѣдній завѣтъ стариковъ беречь полковое имя и славу.

Съ этого дня прощаніе со Штандартами узаконилось въ полку и строго соблюдается до настоящаго времени. Отъ Нижегородцевъ этотъ обычай перешелъ и въ другіе полки Кавказской арміи.

Умереть въ бою, поддерживая славу полка, для Нижегородца не новость.

Подъ Кюрюкъ-Дара Нижегородскій полкъ въ 1854 году ринулся въ шести эскадронномъ составѣ на цѣлую линію турецкихъ штуцерныхъ баталіоновъ.

„Умремъ ребята, но покуда живы не пустимъ турокъ“, говорили Нижегородцы.

И шесть эскадроновъ сдержали напоръ всего праваго фланга, потерявъ 24 офицера, 244 нижнихъ чина и 307 лошадей. Когда окончилась битва и славные остатки полка небольшою кучкою подошли на сборное мѣсто, ближайшій баталіонъ Эриванскаго полка сталъ въ ружье и привѣтствовалъ Нижегородцевъ побѣднымъ „ура“.

Идя въ бой, Нижегородецъ не боится ни смерти, ни тяжелыхъ ранъ.

Во время дѣйствій противъ горцевъ въ 1857 году былъ раненъ пулею юнкеръ князь Николай Амилахвари. Объ этомъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, сообщили бывшему тутъ же старшему брату, командиру 3-го эскадрона Нижегородскаго полка, князю Ивану Амилахвари.

Но князь Иванъ Амилахвари отвѣчалъ: „У насъ объ раненыхъ не сожалѣютъ; ихъ поздравляютъ, потому что рана есть свидѣтельство исполненнаго долга“!

А въ кавалерійскомъ боѣ подъ Ачхоемъ въ 1854 г. на Нижегородцевъ сыпались пули градомъ. Одна пуля попала въ старшаго вахмистра 3-го эскадрона Мирошниченкова, и на бѣломъ кителѣ его показалось маленькое кровавое пятнышко—рана въ грудь, безусловно смертельная. Командиръ эскадрона приказываетъ его вывести изъ фронта. „Я самъ выѣду“, отвѣчалъ раненый, „теперь каждый человѣкъ дорогъ“. Онъ сошелъ съ коня, тихо опустился на землю и, не выпуская повода изъ рукъ, тутъ же скончался.

Послѣ сраженія при Башкадыклярѣ изъ раненыхъ Нижегородскаго полка обращалъ на себя особое вниманіе рядовой Григорій Озеровъ, получившій 24

раны. Это былъ еще молодой солдатъ изъ крестьянъ села Ладовой Балки, близъ Ставрополя. Когда генералъ, князь Бебутовъ, въ тотъ же день посѣтилъ лазаретъ, Озеровъ, весь облѣпленный пластырями и забинтованный съ головы до ногъ, сохранилъ еще столько бодрости, что на вопросъ князя: „Ну, что, братъ? теперь въ чистую“? шутливо отвѣтилъ: „Никакъ нѣтъ, Ваше Сіятельство, лѣвая рука у меня еще дѣйствуетъ“.

Несмотря на эти страшныя раны, Озеровъ, выздоровѣлъ. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ему знакъ отличія Военнаго ордена, произвелъ въ унтеръ-офицеры, уволилъ отъ службы и назначилъ въ единовременное пособіе 300 рублей, а затѣмъ пожизненный солдатскій паекъ и пенсіонъ по сто рублей въ годъ.

Въ 1877 году, во время турецкой войны, во время осады Карса, турки открыли сильный огонь противъ нашей кавалеріи и первая граната лопнула въ рядахъ 4-го эскадрона. „Нѣтъ ли раненыхъ“? крикнулъ эскадронный командиръ, капитанъ Кусовъ. „Кажись нѣту, ваше благородіе“, отвѣтилъ вахмистръ, оглядывая фронтъ. Во фронтѣ, дѣйствительно, не произошло никакого волненія, а между тѣмъ шинель у рядового Зайцева вся была залита кровью. Капитанъ Кусовъ это замѣтилъ.—Ты что, раненъ? спросилъ онъ у Зайцева. -Такъ точно, ваше благородіе, раненъ. Что же ты молчишь? Куда ты раненъ? Руку оторвало, ваше благородіе.“ Руки дѣйствительно, не было. Храбраго солдата тотчасъ отправили на перевязочный пунктъ, а на мѣсто его явился изъ обоза рядовой Аксеновъ. Онъ былъ на лошади Зайцева и съ его оружіемъ. „Ты откуда взялся?—-Дозвольте остаться, я штрафованный, хочу омыться кровью,“ отвѣтилъ Аксеновъ.

Идти въ бой для Нижегородца самое святое дѣло, и ничто его не можетъ удержать.

Въ 1853 году лѣтомъ былъ объявленъ походъ къ турецкой границѣ. Въ это время только что отошли покосы, и послѣ утомительныхъ работъ въ Нижегородскомъ полку было болѣе 200 больныхъ: полныхъ рядовъ нельзя было вывести. Тогда командиръ полка, князь Чавчавадзе, обошелъ лазареты, говоря больнымъ: Ребята, мы идемъ въ походъ. Великій грѣхъ отставать отъ святыхъ Штандартовъ. Что скажутъ, если мы, Нижегородцы, явимся не съ полными рядами“? „Идемъ, всѣ идемъ, Ваше Сіятельство, отвѣчали больные“... Въ лазаретѣ осталось только девять человѣкъ, не могшихъ подняться съ кроватей.

Въ бою у Нижегородца три оружія: вѣрный конь, шашка острая, да пуля мѣткая.

Больше всего любитъ онъ конныя атаки.

На быстромъ лету врѣзывается Нижегородецъ въ ряды непріятеля, и тогда пируетъ его шашка.

9-го іюня 1858 года Нижегородцы покрыли себя славою въ Кавалерійскомъ бою подъ Ачхоемъ.

Громадныя скопища имама Шамиля двигались въ Малую Чечню, желая поднять противъ насъ населеніе. Отрядъ полковника Алтухова сталъ поджидать Шамиля на рѣчкѣ Нэтхое, выдвинувъ впередъ кавалерію подъ начальствомъ полковника Никорица въ составѣ 2-го дивизіона Нижегородцевъ, дивизіона Сѣверцевъ и сотни Моздокскаго полка, съ двумя конными орудіями, всего силою около четырехсотъ человѣкъ. Конница наша шла къ Гази-юрту.

Въ это самое время, къ тому же Гази-юрту, на площадь, изъ Черныхъ Горъ вышли грозныя силы

Шамиля. Передъ тысячными толпами горцевъ, нашъ кавалерійскій отрядъ казался горстью, но все же немедленно рѣшился атаковать противника.

Моздокская сотня и Нижегородцы подъ командою штабсъ-ротмистра князя Амилахвари тронулись рысью. Въ резервѣ остались Сѣверцы.

Вдругъ отъ главнаго скопища отдѣлилась передовая партія въ 300—400 горцевъ, вскачь перерѣзала драгунамъ дорогу и стала огибать ихъ флангъ.

„Есаулъ Усачевъ", отдалъ приказаніе князь Амилахвари: „Не давайте имъ заскакать намъ въ тылъ"!, а самъ съ Нижегородцами заѣхалъ правымъ плечомъ противъ главныхъ силъ Шамиля, которыя въ это время уже успѣли развернуться и окружить насъ и съ праваго фланга.

По знаку князя Амилахвари 3-й эскадронъ дѣлаетъ быстрый заѣздъ плечомъ и кидается карьеромъ противъ обошедшихъ его горцевъ. Непріятель испугался грозной атаки Нижегородцевъ и далъ тылъ. Тогда 3-й эскадронъ снова стремительно пристраивается къ 4-му эскадрону, и весь дивизіонъ съ шашками на голо несется на бросившіяся на насъ главныя силы Шамиля.

Горцы летѣли съ гикомъ противъ Нижегородцевъ. Впереди неслись разноцвѣтные значки. И вотъ обѣ стороны столкнулись... Ударомъ рослыхъ, крупныхъ лошадей драгуны, какъ сказочные богатыри, сбивали маленькихъ дагестанскихъ коней и прокладывали себѣ дорогу направо и налѣво". Боевые клики смолкли; слышно было только, какъ шашки звеня ударялись о шашки, какъ прогремитъ кой-гдѣ одинокій пистолетный выстрѣлъ, или пронесется въ воздухѣ слабый стонъ умирающаго.. Вотъ упалъ командиръ 3-го эскадрона поручикъ кн. Вахваховъ, въ упоръ раненый пистолетною пулею въ плечо; упалъ Пирож-

ниченко—младшій вахмистръ 3-го эскадрона, сраженный пулею въ сердце: убитъ рядовой Пантелѣевъ, перерубленный пополамъ. Падаютъ съ коней рядовые: Трояновъ, Бѣловъ, Григорьевъ; еще человѣкъ семь было ранено, но держатся въ сѣдлахъ и не хотятъ покинуть боя.

Съ четверть часа длилась общая свалка. Но вотъ горцы начинаютъ подаваться назадъ. Не только смять, но даже отбросить нашу кавалерію имъ не удалось. Они отодвигаются сами на двѣсти—триста шаговъ, останавливаются, и открываютъ съ коней жестокій огонь.

Между русскими и горцами образовался промежутокъ. „Вонъ лежитъ Пирожниченко“ — слышится шепотъ въ рядахъ, и драгуны порываются взять его тѣло. „Оставить! Поднимите послѣ“! кричитъ князь Амилахвари. Онъ пользуется минутнымъ перерывомъ боя, чтобы какъ можно скорѣе собрать и устроить свои эскадроны, чтобы пронестись по ихъ рядамъ и одушевить драгунъ новымъ мужествомъ. А пули сыпятся градомъ. Убитъ старшій вахмистръ 3-го эскадрона Мирошниченковъ.

„Прапорщикъ Щедринъ, командуйте 3-мъ эскадрономъ! крикнулъ князь Амилахвари, и вдругъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Бѣлый кабардинскій конь его съ перебитою ногою бился на землѣ въ предсмертныхъ судорогахъ. Унтеръ-офицеръ Свиридовъ тотчасъ соскочилъ съ сѣдла и подвелъ свою лошадь. „Людей и такъ мало, садись“! сказалъ ему князь и приказалъ подать себѣ чью то заводную офицерскую лошадь.

Горцы подмѣтили паденіе всадника на бѣлой лошади, и, не видя „русскаго наиба„ передъ фронтомъ, двинулись впередъ всею массою.

„Шашки вонъ“! крикнулъ кн. Амилахвари. Но едва сорвалась эта команда, какъ произошло нѣчто

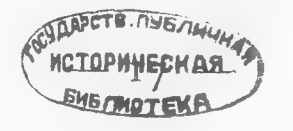
неожиданное: гдѣ-то позади фронта, рѣзко, отрывисто, кавалерійская труба прозвучала сигналъ отступленія. Всѣ невольно вздрогнули. Сигналъ между тѣмъ подхваченъ былъ трубачемъ 4-го эскадрона—и въ строю произошло замѣшательство. Одни, сознавая опасность отступленія, продолжали стоять, другіе, повинуясь сигналу, стали заворачивать лошадей. Внѣ себя отъ гнѣва подскочилъ Амилахвари къ 4-му эскадрону, вырвалъ изъ рукъ трубача злосчастную трубу и далеко отшвырнулъ ее въ сторону. „Кто смѣетъ трубить отступленіе? Впередъ!“ крикнулъ онъ.

И драгуны въ третій разъ ринулись на встрѣчу непріятеля.

Какъ разъ въ это время подоспѣла конная артиллерія, бывшая при резервѣ. Она прискакала безъ всякаго прикрытія и съ лихимъ хорунжимъ Золотаревымъ, внесшись на курганъ, обдала непріятеля картечью. Драгуны и Моздокская сотня врѣзались съ фронта. Младшій вахмистръ Шиловъ, здоровый, рослый солдатъ, дорубился до самаго знаменщика и однимъ взмахомъ шашки перерубилъ горца и древко значка. Падавшее полотнище онъ подхватилъ на лету и высоко поднялъ его, какъ знакъ побѣды. И побѣда дѣйствительно была наша. Горцы обратились въ бѣгство. Драгуны и казаки насѣли на бѣгущихъ. Разсказываютъ, что Нижегородцы только кричали казакамъ не заскакивать впередъ, опасаясь въ горячкѣ полоснуть по ошибкѣ казака вмѣсто горца.

Непріятель частью отшатнулся къ лѣсу, частью, отстрѣливаясь, засѣлъ на кладбищѣ. Но у горцевъ было еще много свѣжихъ силъ, а драгуны падали отъ усталости.

Въ это время подошло къ намъ подкрѣпленіе.

Вечеромъ Нижегородцы прошли на бивакъ мимо пѣхоты съ пѣснями, не торопясь, въ строгомъ порядкѣ. Впереди развивались отбитые значки: сзади вели въ поводу многихъ лошадей: нѣкоторые хромали.

До поздней ночи веселились драгуны на своемъ бивакѣ, пѣли пѣсни, кричали „ура“ и выпили всю водку у маркитанта, такъ что пѣхотѣ ничего не осталось.

Князь Амилахвари и прапорщикъ князь Чавчавадзе получили золотыя шашки съ надписью „за храбрость“; поручикъ Вахваховъ—орденъ св. Станислава 3 ст., прапорщикъ Щедринъ произведенъ въ поручики, а юнкеръ Мартыновичъ—въ прапорщики. Нижнимъ чинамъ пожаловано девять знаковъ отличія Военнаго ордена.

Но не одну конницу привыкъ истреблять Нижегородецъ. Смѣло и удачно атакуетъ онъ и пѣхоту и артиллерію.

Идя противъ турокъ въ 1853 году, нашъ дѣйствующій корпусъ перешелъ черезъ Карсъ-чай и двинулся противъ турецкой арміи, стоявшей на возвышенности у деревни Башкадыкляръ.

Пѣхота наша наступала въ центрѣ, конница образовала крылья. Правое крыло, подъ начальствомъ командира Нижегородскаго полка, состояло изъ 1-го, 2-го и 5-го (пикинернаго) дивизіоновъ Нижегородскаго полка, двухъ сотенъ линейныхъ казаковъ и четырехъ донскихъ орудій. На лѣвомъ флангѣ шли подъ начальствомъ генерала Багговута 1-й и 4-й дивизіоны Нижегородцевъ, семь сотенъ линейцевъ и также четыре донскихъ пушки.

Подъ убійственнымъ огнемъ двинулась пѣхота, Эриванцы и Грузинцы, въ атаку на турецкую 24-хъ орудійную батарею на возвышенности. Пятнадцать тысячъ турокъ бросилось на Грузинцевъ и конечно опро-

кинуло нашихъ гренадеръ, по два баталіона Эриванцевъ кинулось на помощь Грузинцамъ. Турки приготовились встрѣтить ихъ, и конечно храбрымъ Эриванцамъ трудно было драться противъ пятнадцати тысячъ турокъ.

Вдругъ, въ тылу турецкой позиціи раздалось мощное русское ура!.. То были Нижегородцы.

Вотъ какъ они тамъ очутились: Развернувшись на лѣвомъ флангѣ, наша конница расположила донскія орудія есаула Кульгачева на высотѣ у деревни Гамзакирякъ и стала продольно поражать пушками турецкую пѣхоту. Турки немедленно открыли мѣткій отвѣтный огонь. Первое турецкое ядро снесло голову трубачу Нижегородскаго полка Степану Мещеренкѣ, стоявшему рядомъ съ дивизіонеромъ подполковникомъ Шульцемъ; затѣмъ убиты юнкеръ Яблонскій и контуженъ поручикъ Авалдовъ. У послѣдняго сильно опухла нога, и ему посовѣтовали отправиться на перевязку. Но Авалдовъ пересѣлъ на другую лошадь, сказавъ: „Стыдно идти на перевязочный пунктъ съ опухшею ногою, когда рядомъ будутъ лежать люди съ оторванными ногами и руками“.

Увидя хорошую стрѣльбу своей артиллеріи, нѣсколько тысячъ курдовъ бросилось отнимать у насъ высоту, занятую донскими орудіями. Когда казаковъ начали тѣснить, то 3-й и 4-й Нижегородскіе дивизіоны выскакивали имъ на помощь; но курды каждый разъ уклонялись отъ схватокъ съ драгунами, и красныя куртки ихъ исчезали за оврагомъ.

Въ это время генералъ Багговутъ увидѣлъ, что Грузинцамъ и Эриванцамъ приходится плохо, и рѣшился идти на выручку. Подъ страшнымъ картечнымъ огнемъ турецкихъ орудій, драгуны спустились въ оврагъ и стали вытягиваться по взводно. Когда шедшій впереди 7-й эскадронъ, капитана князя Чавча-

вадзе, сталъ подниматься на возвышенность, то противъ него развернулся турецкій шести-эскадронный уланскій полкъ. Драгунамъ легче было атаковать въ гору, чемъ уланамъ подъ гору, и турки стали отходить.

Тогда князь Чавчавадзе выскочилъ на гору, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Къ крайнему его удивленію уланъ уже не было, но онъ увидѣлъ въ 30—40 шагахъ отъ себя турецкіе баталіоны, собиравшіеся раздавить Эриванцевъ.

Князь Чавчавадзе тихонько спустился внизъ, тихо подалъ команду, и 7-й эскадронъ разомъ вынесся изъ оврага. Съ нимъ вмѣстѣ выскочили и донскія орудія есаула Кульгачева, лихо снялись съ передковъ и дали залпъ картечью. За 7-мъ эскадрономъ кинулся на турецкую пѣхоту и 8-й эскадронъ. Въ это время, увидѣвшіе Нижегородцевъ Эриванцы съ громкимъ ура бросились съ фронта и началась битва. Всѣ перемѣшались. Князь Чавчавадзе съ рукою на перевязи (онъ былъ раненъ въ предыдущемъ сраженіи) очутился вдвоемъ съ своимъ ординарцемъ Слѣпужниковымъ среди самого непріятельскаго баталіона. Турецкіе солдаты тѣснили и толкали его лошадь со всѣхъ сторонъ. Слѣпужниковъ поторопился заслонить своего командира и рубилъ направо и налѣво, расчищая ему дорогу. Наконецъ онъ выбился изъ силъ и опустилъ шашку, „Что же ты сталъ?“ Крикнулъ князь. „Не могу больше, усталъ“, отвѣтилъ Слѣпужниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ турецкій офицеръ въ упоръ выстрѣлилъ въ поручика князя Амилахвари. Пуля попала въ ухо коню, который взвился на дыбы и упалъ, опрокинувъ на землю и своего сѣдока и турецкаго офицера. Оба они вскочили одинаково разомъ, и разомъ выстрѣлили изъ пистолетовъ: турокъ далъ промахъ, а князь Амилахвари, положилъ его на

мѣстѣ. Очутившись одинъ и пѣшкомъ посреди турецкаго баталіона, онъ такъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ турецкими солдатами, пока ему не удалось выскочить къ сторонѣ турецкой большой батареи.

Но двадцати четырехъ-пушечной батареи на старомъ мѣстѣ уже не было. Среди общаго смятенія, бросивъ на позиціи нѣсколько орудій, они взялись въ передки и поскакали назадъ. Кн. Чавчавадзе съ своимъ эскадрономъ пустился въ погоню. Турецкая батарея, вся на сѣрыхъ лошадяхъ, уходила полнымъ карьеромъ, но, видя, что драгуны близко, вдругъ снялась съ передковъ и дала залпъ картечью. Но драгуны были уже на батареѣ. Турецкіе артиллеристы, сбѣжавшіеся въ кучки, защищались банниками, шашками и всѣмъ, что попадало въ руки, но спасенія не было. Первымъ бросился на нихъ штабсъ-капитанъ Григоровичъ. Турецкій фейерверкеръ поспѣшно оторвалъ отъ картуза ядро и ударомъ по головѣ сбилъ Григоровича съ лошади. За Григоровичемъ кинулся прапорщикъ Андреевъ,—но ударъ банникомъ по лицу опрокинулъ его вмѣстѣ съ конемъ. Началась общая свалка. Въ эту минуту подоспѣлъ и 8-й эскадронъ; командиръ его, капитанъ Калмыковъ, былъ раненъ саблей, и мѣсто его передъ фронтомъ занялъ, тоже раненый, поручикъ Авалдовъ. Артиллеристы, наконецъ, были изрублены, и вся батарея осталась въ рукахъ Нижегородцевъ.

На долю 3-го дивизіона досталось между тѣмъ вынести также не менѣе упорную и тяжелую схватку съ пѣхотою. Онъ шелъ позади 4-го дивизіона и едва вскочилъ на возвышенность, какъ столкнулся лицомъ къ лицу съ двумя баталіонами, отступавшими уже со второго гребня, но отступавшими, посреди общаго смятенія, спокойно и въ порядкѣ; при нихъ было и два полевыхъ орудія. Турки тотчасъ свернулись въ

каре и встрѣтили драгунъ батальнымъ огнемъ. Надо же было случиться, чтобы какъ разъ, въ это самое время, большая батарея, настигнутая княземъ Чавчавадзе, дала свой послѣдній залпъ, и картечь, пронесясь безвредно надъ головами четвертаго дивизіона, ударила въ третій. Повалились и люди и лошади. Тутъ получили смертельныя раны: командиръ 6-го эскадрона штабсъ-капитанъ Симашкевичъ, поручикъ Реннеръ и прапорщикъ Гемпель. Тогда дивизіонеръ, маіоръ Петровъ, во главѣ своихъ эскадроновъ, кинулся впередъ и врубился въ каре. Лошадь подъ нимъ положительно была истерзана штыками, но самъ онъ остался невредимъ. Подоспѣвшіе драгуны выручили его. Баталіоны были изрублены, оба орудія взяты. Генералъ Багговутъ въѣхалъ въ разбитое каре вмѣстѣ съ драгунами.

А между тѣмъ на полѣ сраженія появляются свѣжія турецкія силы. Стройно выносятся уланы чтобы прикрыть бѣгущую пѣхоту, а за ними двигаются два баталіона низама съ четырьмя орудіями. Подполковникъ Шульцъ поспѣшно собираетъ и строитъ 8-й эскадронъ, а князь Чавчавадзе съ 7-мъ— уже несется навстрѣчу уланамъ. Уланы дали тылъ. Рядовой Григорій Озеровъ врѣзался, однако, въ ихъ толпы и получилъ 24 раны. Его сочли убитымъ и бросили на полѣ сраженія. Между тѣмъ, на помощь къ намъ подходитъ весь 3-й дивизіонъ и скачетъ Кульгачевъ со своими орудіями. Онъ опять выносится впередъ и почти въ упоръ осыпаетъ картечью турецкіе баталіоны. Пользуясь этою минутою, драгуны бросаются въ атаку; они рубятъ таборы, опрокидываютъ ихъ, топчутъ и гонятъ. Но этимъ разгромомъ еще не оканчивается для турокъ роковой исходъ Башкадыклярскаго боя. Въ лицо бѣгущимъ толпамъ вдругъ заскакали семь сотенъ линейцевъ. Они перешли ов-

рагъ лѣвѣе Гамза-киряка, прогнали турецкую конницу и поспѣли еще къ кровавой работѣ драгунъ. Пораженіе непріятеля на лѣвомъ флангѣ было полное и страшное. Поляна въ двѣ версты длиною умостилась турецкими трупами. Напряженіе борьбы и ожесточеніе солдатъ сказались между прочимъ и въ тяжкихъ ударахъ, которые драгуны наносили непріятелю. Турецкія тѣла, разбросанныя по полю, представляли собою ужасающій видъ: кому досталось по лицу, у того снесено полъ черепа; по плечу,—такъ шашка останавливалась между ребрами другого бока; попадались отрубленныя головы, перебитыя кости, отдѣленныя отъ туловища руки и ноги.

Преслѣдуя бѣгущихъ, конница генерала Багговута взяла богатый турецкій лагерь.

Какъ только драгуны взяли большую батарею, нашъ центръ продвинулся впередъ. Лишь на правомъ флангѣ шелъ еще нерѣшительный бой.

Двигавшійся кавалерійскій отрядъ генерала князя Чавчавадзе, наткнулся на огромныя массы турецкой пѣхоты и конницы. Если бы эти силы отбросили шесть слабыхъ эскадроновъ,—они очутились бы въ тылу нашихъ войскъ и поставили бы ихъ въ безвыходное положеніе. Доблесть Нижегородскаго полка не допустила этого. Густыя колонны турецкой пѣхоты и конницы, предшествуемыя курдами, быстро шли къ переправѣ черезъ оврагъ. Два эскадрона турецкихъ карабинеръ, на сѣрыхъ лошадяхъ, первые перешли оврагъ и, оттѣснивъ казаковъ, разсыпали цѣпь. За ними шла бригада уланъ, а далѣе—шесть баталіоновъ съ цѣлою батареею. Князь Чавчавадзе рѣшилъ атаковать непріятеля: выбравъ минуту, когда турецкая конница, перейдя оврагъ, заслонила пѣхоту, онъ приказалъ четыремъ орудіямъ дать залпъ картечью и бросилъ 1-й дивизіонъ маіора Барковскаго

въ атаку. Два полка уланъ, застигнутые врасплохъ, не успѣли перестроиться и были опрокинуты на свою же пѣхоту. Маіоръ Барковскій кинулся въ ея интервалы, смялъ нѣсколько баталіоновъ, и продолжалъ рубить убѣгавшихъ уланъ. Въ общей суматохѣ турецкая пѣхота открыла бѣшенный огонь во всѣ стороны, и положительно затонула въ клубахъ порохового дыма. Князь Чавчавадзе быстро сообразилъ всю выгоду такого положенія. Батарея дала залпъ, и самъ генералъ во главѣ четырехъ эскадроновъ, кинулся на пѣхоту. Одновременно Барковскій, покинувъ уланъ, повернулъ назадъ и налетѣлъ на пѣхоту съ тыла. Драгуны, опрокидывая баталіонъ на баталіонъ, смѣшали всѣхъ въ одну кучу, и 1-й дивизіонъ изъ самой линіи турокъ вырвалъ два непріятельскихъ орудія. Лафетъ одного изъ нихъ былъ выкрашенъ красною краскою. Это и была та знаменитая „красная пушка“, на которой красовалась надпись, что она пожалована султаномъ въ знакъ особой милости къ Анатолійской арміи.

Турки были отброшены за оврагъ и еще пять разъ пытались перейти въ наступленіе, но каждый разъ — напрасно. Наконецъ они отступили, но наша конница слишкомъ ослабла и не могла ихъ преслѣдовать.

Во время боя, здѣсь на правомъ флангѣ, особенно много было пролито Нижегородской крови: тутъ смертельно раненъ капитанъ Кусаковъ; ранены: Кузьминъ-Короваевъ, Покатиловъ, Кашаевъ и Витманъ. Послѣдняго, раненаго двумя сабельными и тремя штыковыми ударами, едва успѣли вырвать изъ рукъ турокъ, которые его окружили. Самъ старый князь Чавчавадзе, командиръ Нижегородцевъ, все время находился въ огнѣ и лично водилъ эскадроны; на его же долю выпалъ замѣчательный случай. Во время одной изъ атакъ, въ казачьей батареѣ подъ ору-

діемъ была убита лошадь: упряжь перепуталась, и орудіе стало. Это случилось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ турецкихъ солдатъ, которые кинулись и захватили пушку. Кн. Чавчавадзе замѣтилъ это, когда вырвать эскадроны изъ рукопашной схватки было невозможно. „Драгуны!", крикнулъ онъ своимъ ординарцамъ: „Неужели мы отдадимъ свою пушку!" И эта горсть, состоявшая изъ трехъ, четырехъ человѣкъ, кинулась за нимъ съ такою рѣшимостью, что турки отскочили назадъ, и орудіе было взято обратно.

Башкадыклярская побѣда не дешево досталась русскому войску, изъ котораго выбыло 57 офицеровъ и 1200 нижнихъ чиновъ. Одинъ Нижегородскій полкъ потерялъ 13 офицеровъ, 130 драгунъ и 267 лошадей.

Башкадыклярскій бой преимущественно выигранъ Нижегородцами.

Кн. Чавчавадзе получилъ Георгія на шею, награду рѣдкую для командира полка.

Георгіевскіе кресты 4-й степени пожалованы: маіорамъ—Петрову, Барковскому и капитану князю Чавчавадзе. Всѣмъ офицерамъ—полугодовой окладъ жалованья: нижнимъ чинамъ по два рубля, и на полкъ сто знаковъ отличія военнаго ордена.

Рядъ наградъ за это дѣло закончился пожалованіемъ Нижегородскому полку серебряныхъ Георгіевскихъ трубъ съ надписью: „За отличные подвиги при пораженіи 36-ти тысячнаго турецкаго корпуса, на Башкадыклярскихъ высотахъ, 19-го ноября 1853 года.

Верхомъ Нижегородецъ можетъ сдѣлать почти невозможное. Если нужно, то въ конномъ строю онъ беретъ укрѣпленное селеніе.

Въ 1846 году Шамиль занялъ своими главными силами, расположенный на высокой горѣ, аулъ Ку-

тиши. Князь Бебутовъ рѣшается взять аулъ. Первый дивизіонъ Нижегородцевъ влетаетъ карьеромъ на гору, попадаетъ въ аулъ и бросается къ воротамъ. Первый эскадронъ штабсъ-капитана Джемарджидзе на полномъ скаку спѣшивается и пока беретъ оборонительную башню, 2-й эскадронъ неожиданно попадаетъ подъ картечный выстрѣлъ. Командиръ эскадрона штабсъ-капитанъ Мачабели командуетъ: „На право" и, взмахнувъ нагайкою, перескакиваетъ ограду. За нимъ слѣдуютъ драгуны и первый взводъ налетаетъ на орудіе. Рядовые Остапенко, Шанинъ и Фомичевъ ранены, но остальные берутъ пушку. Тогда штабсъ-капитанъ Мачабели оставляетъ при ней взводнаго вахмистра Параскина, а самъ кидается далѣе.

И вотъ на него вдругъ изъ за проулка выскакиваетъ всадникъ въ зеленой чалмѣ, а за нимъ большой малиновый значокъ. Горецъ выхватилъ кинжалъ и бросился на командира 2-го эскадрона, но штабсъ-капитанъ Мачабели уклонился поворотомъ коня и шашкою положилъ врага. Скакавшіе позади лезгины оторопѣли, увидя смерть начальника, и повернули. Но драгуны насѣли на нихъ и рубили заднихъ безъ пощады. Унтеръ-офицеръ Полежаевъ и рядовой Наливайко отбили значокъ. Горцы и драгуны, продолжая скачку, вскочили на мостъ, который отъ тяжести рухнулъ. Половина эскадрона осталась по ту, другая по эту сторону оврага. Тогда драгуны, быстро спѣшившись, берутъ саклю за саклею. Но тутъ 2-й эскадронъ встрѣтился уже съ четвертымъ дивизіономъ, также ворвавшимся въ конномъ строю съ другой стороны въ аулъ.

Въ аулѣ завязался бой. Рядовой Зоринъ, первый вскочилъ въ саклю съ зарядными ящиками и былъ тяжело раненъ въ голову; ящики вынесъ унтеръ-офицеръ Ширингинъ. Вахмистръ 7-го эскадрона Сви-

стюлкинъ отбилъ отъ десяти горцевъ прапорщика Клюева. Нѣсколько коноводовъ 8-го эскадрона подъ начальствомъ вахмистра Щеголева взяли приступомъ саклю съ горцами, причемъ рядовой Сидоровъ вынесъ изъ сакли богатый значокъ.

Въ это время подоспѣваетъ пѣхота. Но Нижегородцамъ, какъ будто мало этого блестящаго подвига, атаки въ конномъ строю аула. Аварцы бросаются на подходящіе наши резервы, желая разобщить русскіе войска. Маіоръ Докукинъ собираетъ однако спѣшенный 4-й дивизіонъ, сажаетъ на коней, и бросается въ атаку, опрокидывая конницу Хаджи-Мурата. Весь путь отступленія аварцевъ Нижегородцы усѣяли ихъ трупами.

Въ этомъ блестящемъ бою трофеемъ Нижегородцевъ былъ горный единорогъ, отбитый у насъ Шамилемъ еще во время Даргинской экспедиціи, два значка, до четырехсотъ винтовокъ, множество оружія и зарядныхъ ящиковъ.

Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ князю Бебутову орденъ св. Георгія 3-й степени, офицерамъ много наградъ. Войскамъ приказано дать по два рубля, а Нижегородцамъ по три рубля на человѣка. Кромѣ того, Нижегородцамъ назначено 20 знаковъ Военнаго ордена.

Молва объ этомъ подвигѣ пошла по всей Россіи. Командиръ драгунскаго корпуса отдалъ приказъ, въ которомъ отдавалъ честь Нижегородцамъ.

Вотъ что онъ писалъ: „Налетѣть, быстро хватить въ шашки, гнать непріятеля, потомъ мигомъ съ коня и громить штыками — вотъ дѣло, только одного драгуна, или, какъ горцы назвали со страха Нижегородцевъ, Шайтанъ — солдата. Хвала Нижегородцамъ! Они первые доказали на самомъ дѣлѣ, что могутъ сдѣлать драгуны.

Да послужитъ вамъ, молодцамъ, доблестный примѣръ Нижегородцевъ.

Нижегородецъ въ конномъ строю можетъ взять и укрѣпленіе.

Какъ только въ послѣднюю турецкую войну наши войска утвердились на Орловскихъ высотахъ, генералъ Лазаревъ рѣшилъ 3-го октября атаковать турокъ, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія.

Нижегородскій полкъ въ трехъ эскадронномъ составѣ двинулся къ Везинкевскимъ высотамъ. Турецкая батарея открыла по полку огонь.

Два офицера, поручикъ Панчулидзевъ и прапорщикъ Слизень, поѣхавшіе впередъ дозорами, скоро замѣтили небольшую кавалерійскую партію, пробиравшуюся въ Карсъ, и при ней небольшое турецкое знамя, которое хотѣли спасти. Командиръ полка, полковникъ Кельнеръ, немедленно выслалъ 1-й взводъ 1-го эскадрона, который съ прапорщикомъ Максимовымъ кинулся на турокъ. Пока драгуны рубили бѣгущаго непріятеля, унтеръ-офицеръ Мурашкинъ настигъ знаменщика, но едва схватился за знамя, какъ лошадь споткнулась, и онъ упалъ такъ неудачно, что нога его запуталась въ стремени. И вотъ, сцѣпившись на землѣ крѣпко другъ съ другомъ, они боролись до тѣхъ поръ, пока Мурашкину не удалось вытянуть ногу изъ сапога, застрявшаго въ стремени. Тогда, навалившись на турка, онъ задушилъ его руками и отнялъ знамя.

Въ это самое время полковникъ Кельнеръ поднялся на горку и увидѣлъ три отступавшихъ въ полномъ порядкѣ въ Карсъ турецкихъ баталіона. Турки замѣтили Нижегородцевъ и закричали: „Драгуны, драгуны!“... и открыли безпорядочный огонь. Но Нижегородцы уже врѣзались въ непріятеля и три

орудія ихъ, не успѣвшія сняться съ передковъ, были взяты. Атака была блестящая, но Нижегородцы въ пылу слишкомъ опередили свою пѣхоту, попавъ не только подъ огонь сильно укрѣпленной турецкой везинкевской позиціи, но и подъ выстрѣлы нашихъ гренадеръ, принявшихъ драгунъ за турокъ.

Нижегородцы не потерялись и пошли на новый подвигъ: 2-й эскадронъ повернулъ налѣво, противъ траншей, а 1-й и 4-й — не раздумывая, бросился на главное укрѣпленіе.

Турки конечно открыли бѣшенный огонь. Полковникъ Кельнеръ еще разъ смѣрилъ грозный окопъ и громко скомандовалъ: „Маршъ, маршъ!“ драгуны ринулись, очертя голову, перенеслись черезъ валъ на коняхъ—и укрѣпленіе въ мигъ было залито кровью и завалено трупами. Часть людей вмѣстѣ съ эскадронными командирами проскакала черезъ весь люнетъ, и, рубя бѣгущихъ, скрылась за горою. Другая часть рубилась въ самомъ укрѣпленіи. Но скоро и рубить уже было некого.

Въ резервѣ, у полковника Кельнера, оставалось только 25 драгунъ пока къ нему не подошелъ 2-й эскадронъ штабсъ-капитана Карангозова, успѣвшій взять турецкіе стрѣлковые ровики.

У второго эскадрона было также блестящее дѣло. Подойдя шаговъ на полторасто къ ровикамъ, штабсъ-капитанъ Карангозовъ остановилъ эскадронъ, а дивизіонеръ подполковникъ Маралинъ выѣхалъ впередъ осмотрѣться. „Атакуйте!“ крикнулъ онъ, и эскадронъ бросился впередъ. Командиръ эскадрона первый перелетѣлъ черезъ ровъ и брустверъ, а за нимъ и весь эскадронъ. Нижегородцы очутились въ окопѣ среди обезумѣвшихъ турокъ и принялись рубить направо и налѣво все, что попадало подъ руку. Смятеніе турокъ было такъ велико, что, когда лошадь

прапорщика Гурскаго упала среди пѣхотинцевъ, никому изъ нихъ не пришло въ голову приколоть нашего офицера. 2-й эскадронъ покрылъ себя славою.

Въ это время подбѣжалъ Дербентскій полкъ. Солдатики едва переводили духъ отъ усталости. Увидя Нижегородцевъ они закричали своимъ кунакамъ: „Ура“ и „браво Нижегородцы“, хлопали въ ладоши и бросали вверхъ шапки. „Эхъ, господа драгуны, работу у насъ отняли“, говорили многіе.

Подъѣхалъ и генералъ Лорисъ-Меликовъ. „Отлично“, сказалъ онъ, „спасибо Нижегородцы“. „На сегодня съ васъ довольно“.

Но полковникъ Кельнеръ повелъ полкъ преслѣдовать турокъ.

Въ этотъ памятный день Нижегородцы взяли знамя Анатолійской арміи, пять орудій, тысячи плѣнныхъ и огромные запасы сухарей, консервовъ и разныхъ запасовъ. Потеря драгунъ была не велика: ранены капитанъ Кусовъ, да поручикъ принцъ персидскій Эмиръ-Казымъ-Мирза, оба штыками. Изъ нижнихъ чиновъ убито 2, ранено 23, да выбыла 51 строевая лошадь, и въ томъ числѣ командира полка и штабсъ-капитана Демидова.

Рѣдкій случай взятія кавалерійскою атакою укрѣпленной позиціи повелъ за собою и рѣдкія награды на трехъ эскадронный полкъ. Орденъ св. Георгія 4-й степени получили: Полковникъ Кельнеръ, капитанъ Кусовъ, штабсъ-капитанъ Карангозовъ и поручикъ Панчулидзевъ. Унт.-офицеръ Мурашкинъ получилъ знакъ отличія Военнаго ордена. Онъ же получилъ завѣтный рубль, присланный генералу Гейману при самомъ началѣ войны однимъ владикавказскимъ мѣщаниномъ, съ просьбою передать его тому, кто первый возьметъ турецкое знамя.

Всѣ кавалерійскія атаки Нижегородцевъ отличаются замѣчательною быстротою и стройностью, тѣмъ болѣе удивительною, что полкъ передъ боями обыкновенно дѣлалъ большіе переходы, стараясь настигнуть врага. 100—130 верстъ въ день не диво для Нижегородскаго коня передъ лихою атакою. Причина этому кроется въ постоянной заботѣ Нижегородца о своемъ вѣрномъ товарищѣ. Первое дѣло нашего драгуна убрать коня, накормить да напоить въ волю.

Знаетъ также Нижегородецъ что на побитой лошади далеко не уѣдешь, а потому всегда старательно сѣдлаетъ своего коня.

Дорогу, гдѣ прошли среди непріятеля Нижегородцы, не трудно найти по мертвымъ вражескимъ тѣламъ. **Рубить, такъ рубить на славу!** Хватитъ Нижегородецъ по шеѣ, голова долой; по плечу — бокъ насквозь!..

Передъ Башкадыклярскимъ сраженіемъ огромный буйволъ забрелъ въ драгунскую коновязь, перепугалъ лошадей и самъ перепугался до того, что какъ бѣшенный началъ метаться по лагерю. Тогда унтеръ-офицеръ 8-го эскадрона Васильченко бросился къ разсвирѣпѣвшему животному и однимъ взмахомъ шашки отнесъ ему голову. Это былъ ударъ богатырьскій, и князь Бебутовъ подарилъ Васильченко червонецъ.

Конечно, чтобы атаковать и лихо рубить съ коня, надо быть отличнымъ ѣздокомъ.

И правду сказать для Нижегородца не существуетъ препятствій: канавы, рвы, заборы, стѣнки, валы, не задумываясь беретъ онъ, даже въ пылу боя. По горамъ и кручамъ можетъ карабкаться верхомъ Нижегородецъ и не боится пробираться по

горнымъ тропинкамъ надъ пропастями. Онъ прыгаетъ даже въ рѣку верхомъ.

Въ теченіе 8 мѣсяцевъ жилъ въ 1853 г., въ штабъ-квартирѣ Нижегородскаго полка, на Сулакѣ, въ Чиръ-юртѣ, знаменитый во всей Салатавіи наѣздникъ Агалло, прикинувшись перебѣжавшимъ на нашу сторону; затѣмъ онъ измѣннически захватилъ нашего юнкера Готовицкаго и возвратился въ горы. Возвратясь онъ разсказалъ наибу Каиръ-беку про нашу полковую жизнь и про возможность отбить у Нижегородцевъ лошадей во время водопоя.

Каиръ-бекъ сразу не повѣрилъ, а рѣшилъ лично удостовѣриться, что наши драгуны дѣйствительно такъ безпечно, на однихъ попонахъ, на недоуздкахъ, безъ оружія и прикрытія, водятъ лошадей на водопой. Оказалось—Агалло не совралъ, и Каиръ-бекъ собралъ 500 всадниковъ, чтобы на разсвѣтѣ напасть на Нижегородцевъ во время водопоя.

Къ счастью лазутчики объ этомъ донесли, и командиръ полка, князь Чавчавадзе, рѣшилъ жестоко наказать Каиръ-бека. Охотничьей командѣ приказано было выслѣдить мѣсто переправы горцевъ, а подполковнику Шульцу съ 4-мъ дивизіономъ приказано было идти на разсвѣтѣ къ водопою, но конечно въ полномъ вооруженіи.

Подойдя къ рѣкѣ Сулаку, охотники наши услышали плескъ воды и увидали переправлявшихся горцевъ. Охотники подались назадъ къ казармамъ и засѣли въ крайнюю яму, нарытыхъ въ большомъ количествѣ около самого расположенія полка. Къ великому ихъ удивленію горцы направились къ тѣмъ же ямамъ и засѣли въ нихъ, расчитывая пропустить Нижегородцевъ на водопой и потомъ изъ засады ударить по нимъ. Такимъ образомъ, нашимъ охотникамъ было невозможно донести о мѣстѣ засады.

Когда развѣло дивизіонъ двинулся, какъ было приказано. Вдругъ горцы замѣтили, что Нижегородцы въ конномъ строю. „Намъ измѣнили!“ сказалъ Агалло, „драгуны идутъ не къ водопою, они ищутъ насъ—я вижу впереди офицеровъ: вонъ подполковникъ Шульцъ, на своемъ конѣ „Шамилѣ“, рядомъ съ нимъ капитанъ Калмыковъ, а вонъ особнякомъ, въ сторонѣ, на бѣлой лошади ѣдетъ молодой Чавчавадзе“.

Каиръ-бекъ рѣшилъ бѣжать. Отдавъ приказаніе, онъ выскочилъ изъ ямы и съ ближайшими горцами пустился къ рѣкѣ; большинство же не поняло приказанія и бросилось на драгунъ.

Нижегородцы были поражены мгновеннымъ появленіемъ непріятеля. „Вотъ они!—Вотъ они!—зашумѣли въ рядахъ, и по командѣ подполковника Шульца 7-ой эскадронъ первый устремился на горцевъ Ошеломленные неожиданной встрѣчей, тѣ кинулись назадъ, но 8-й эскадронъ встрѣтилъ ихъ на переправѣ. Тогда все перемѣшалось въ рукопашной схваткѣ. Большая часть горцевъ была уже въ рѣкѣ, когда князь Чавчавадзе, взявши на перерѣзъ, чтобы сократить себѣ путь, очутился надъ страшнымъ обрывомъ. Только одна минута раздумья—и бѣлый конь его, взвившись на дыбы, пригнулъ съ трехъсаженной высоты въ бушующую рѣку. За нимъ бросились рядовые Корзухинъ и Шишкинъ. Какъ только трое нашихъ всадниковъ очутились въ рѣкѣ, Корзухинъ и Шишкинъ быстро проложили себѣ дорогу въ самую середину толпы, а князь Чавчавадзе добрался до самого наиба, но успѣлъ только разрубить ему папаху. Подоспѣли драгуны—и въ рѣкѣ образовалась настоящая каша: кто свалился съ коня, тотъ рубилъ уже пѣшимъ, по поясъ въ водѣ. Наконецъ горцы стали выскакивать на тотъ берегъ, гдѣ у нихъ приготовлена была засада.

Каиръ-бекъ переправилъ на правый берегъ Сулака только 200 человѣкъ, а триста — оставилъ на лѣвомъ, чтобы перенять отбитыхъ у драгунъ лошадей, но теперь имъ пришлось прикрывать бѣгство самого наиба. Триста винтовокъ могли бы оказать ему существенную пользу, но ихъ не успѣли употребить въ дѣло, такъ какъ драгуны появились на томъ берегу вмѣстѣ съ горцами.

Пораженіе Каиръ-бека было самое полное.

За дѣло это всѣ участвующіе офицеры получили награды. Старшему вахмистру Тимофею Докучаеву пожалована вторая треть жалованья на имѣющійся у него знакъ отличія военнаго ордена, и шесть знаковъ назначено было нижнимъ чинамъ: ихъ получили старшій вахмистръ Павелъ Шепелевъ, младшій — Арсеній Головковъ (раненъ) и рядовые: Тихонъ Бородай, Петръ Бондаревъ, Алексѣй Клушинъ и Евтѣй Просяниxъ: послѣдніе два были ранены, но до конца дѣла оставались во фронтѣ.

Звучитъ тревога! Есть время — сѣдлаетъ Нижегородецъ коня. Некогда — скорѣе попонки — и маршъ впередъ!

Въ Хадыжинскомъ лагерѣ вдругъ ударили въ 1863 году тревогу и послышались крики: „Татары"! Пока кавалерія сѣдлала лошадей, Нижегородскій первый эскадронъ на однѣхъ попонахъ проскакалъ мимо пѣхоты и скрылся изъ виду. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и привезъ нѣсколько горцевъ, угнавшихъ изъ отряда скотину.

Тоже самое сдѣлалъ 3-й Нижегородскій эскадронъ въ 1858 году. 4-й эскадронъ 20-го мая справлялъ свой эскадронный праздникъ. Въ самомъ разгарѣ обѣда вдругъ съ предмостнаго укрѣпленія грянуло орудіе и въ лагерѣ затрубили тревогу: прискакалъ казакъ

съ извѣстіемъ, что партія чеченцевъ захватила весь скотъ жителей и гонитъ его за Джалку. Драгунскія лошади были разсѣдланы. Командиръ эскадрона крикнулъ своимъ людямъ: „Садись на попонки“! и, не ожидая остальныхъ эскадроновъ, выскочилъ въ поле. Драгуны въ однѣхъ рубашкахъ съ перекинутыми только ружьями и шашками, скакали безъ сѣделъ, иные безъ попонъ, и даже на недоуздкахъ — и настигли чеченцевъ.

Когда подоспѣли остальные эскадроны, скотъ уже былъ отбитъ и возвращенъ на пастьбу.

Не нужно думать, что совершая блестящіе подвиги въ конномъ строю, Нижегородцы гнушаются своего ружья и не умѣютъ дѣйствовать въ пѣшемъ строю. Ведя сто лѣтъ войны на Кавказѣ въ горахъ, лѣсахъ и труднодоступныхъ ущельяхъ, Нижегородцы не только спѣшивались для боя, но вели сраженія пѣшими баталіонами, борясь совмѣстно съ пѣхотою.

И сознавая свои подвиги въ пѣшемъ строю, старые Нижегородцы гордились ими.

Въ 1848 году Намѣстникъ Кавказа князь Воронцовъ подъѣхалъ къ Нижегородскому дивизіону и привѣтствовалъ ихъ: „Здравствуйте, здравствуйте, драгуны“!

По проѣздѣ князя одинъ изъ офицеровъ обратился къ дивизіонеру сказавъ: „Слышали-ли Вы, что Намѣстникъ разъ поздоровался со всѣми войсками, а намъ сказалъ два раза здравствуйте“?

„Это оттого“, отвѣчалъ дивизіонеръ, „что у насъ два строя: конный и пѣшій“.— Старый Нижегородецъ считалъ одинаково доблестнымъ конный и пѣшій бой драгуна.

Въ 1845 году во время дѣйствій противъ Дидойцевъ, наибъ Даніель-бекъ рѣшился зайти нашему

отряду въ тылъ, чтобы отрѣзать отъ русской границы и загнать въ тѣснины, гдѣ уже легко было ихъ уничтожить.

Начальникъ русскаго отряда, генералъ-маіоръ Шварцъ, понялъ однако планъ горцевъ и приказалъ тремъ Эриванскимъ ротамъ занять лежавшее противъ насъ ущелье, чтобы самимъ лезгинамъ отрѣзать всякій путь отступленія, а всѣ остальныя войска направилъ на боковыя высоты: на правыя послалъ Эриванцевъ, на лѣвыя—двѣ роты, сотню пѣшихъ дружинъ и 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ. Начальство надъ лѣвымъ отрядомъ принялъ капитанъ князь Кобуловъ, больной, съ разбитой грудью, но полный отваги.

Поднявшись на гору, Кобуловъ увидѣлъ передъ собою тысячныя массы лезгинъ и, не раздумывая долго, развернулъ отрядъ, далъ дружный залпъ и затѣмъ стремительно ударилъ въ штыки. Все это было такъ неожиданно, что непріятель былъ сразу опрокинутъ, и болѣе уже не могъ оправиться. Напрасно лезгины пытались удержаться въ глубокой балкѣ—ихъ выбили штыками; они засѣли за груды камней, представлявшихъ собою крѣпкій завалъ,—на эти завалы тотчасъ пошли Нижегородцы и пѣшіе грузины. Старшій вахмистръ 4-го эскадрона Цалкъ первый перескочилъ завалъ, а за нимъ ворвались младшій вахмистръ Борисовъ и юнкеръ Глѣбовъ. Въ рукопашномъ бою командиръ 4-го эскадрона поручикъ Джемарджидзе едва не былъ изрубленъ и его вырвали изъ рукъ непріятеля рядовые Захаровъ и Скоропаловъ. Черезъ пять минутъ камни были разметаны, и князь Кобуловъ, быстро подавшись правымъ плечомъ, погналъ непріятеля прямо на страшный обрывъ. Здѣсь остатки горцевъ были сброшены въ пропасть...

Въ ту же экспедицію Нижегородцы взяли штурмомъ высокую гору, называемую „Небесная Лѣстни-

ца". Верхомъ подскакалъ съ 3-мъ дивизіономъ князь Спиридонъ Чавчавадзе къ горѣ, гдѣ неожиданно наткнулся на завалъ. Горцы дали залпъ, но драгуны не смутились и верхомъ взяли два завала.

Затѣмъ спѣшивъ драгунъ, князь Чавчавадзе повелъ ихъ по каменной тропѣ въ гору, подавая собою примѣръ баснословной отваги. Опять загремѣли выстрѣлы, опять съ ужасающимъ свистомъ понеслись надъ головами огромные камни и цѣлые обломки утесовъ. Но чѣмъ выше поднимались Нижегородцы и грузины, тѣмъ болѣе слабѣло мужество лезгинъ,— и когда грянуло послѣднее „ура"!, на вершинѣ „Небесная Лѣстница" не оставалось уже ни одного лезгина.

За это дѣло князь Чавчавадзе получилъ св. Георгія 4 степени.

Вообще Нижегородецъ сражается какъ придется; часто въ одномъ и томъ же бою и на конѣ и пѣшимъ, одинаково уничтожая враговъ шашкою и пулею.

Въ 1847 году полкъ былъ расположенъ въ Чиръ-Юртѣ, охраняя Сулакскую линію.

28-го марта 2-й эскадронъ штабсъ-капитана Петрова былъ посланъ въ разъѣздъ вдоль Сулака. Вдругъ изъ Міатлинской башни пушечными выстрѣлами стали подавать сигналы о появленіи непріятеля.

Эскадронъ пошелъ конечно впередъ рысью и и вскорѣ увидѣлъ на своемъ пути четыреста конныхъ горцевъ съ большимъ пестрымъ значкомъ, самого салатавскаго наиба. Наши наѣздники уже завязали бой съ передовыми непріятельскими всадниками, и штабсъ-капитанъ Петровъ хотѣлъ было уже ихъ поддержать. Но въ это время, справа изъ оврага поросшаго кустами, совершенно неожиданно появилась новая партія ауховцевъ. И обѣ толпы горцевъ, выхва-

тивъ шашки, и съ фронта и съ фланга бросились на Нижегородскій эскадронъ.

Штабсъ-капитанъ Петровъ не потерялся.—„Шашки вонъ!“ скомандовалъ онъ. Сверкнули клинки, и 2-й эскадронъ бросился за своимъ лихимъ командиромъ впередъ въ атаку на салатавцевъ. Горцы не выдержали бѣшеннаго натиска Нижегородцевъ и повернули. Тутъ полилась ручьемъ вражеская кровь. Много было изрублено салатавцевъ, но еще болѣе погибло горцевъ въ рѣкѣ, такъ какъ толпа, не попавши на бродъ, должна была броситься въ воду съ отвѣсныхъ обрывовъ.

Драгунамъ не пришлось однако совершенно истребить непріятеля. Командиръ эскадрона подалъ „аппель“ и, собравъ эскадронъ, полетѣлъ на уже заскакавшихъ ему въ тылъ ауховцевъ.

Но тутъ ожидала Нижегородцевъ еще новая неожиданность. Слѣва выдвинулась изъ засады сильная пѣшая партія и открыла по драгунамъ огонь. Положеніе 2-го эскадрона становилось опаснымъ. Путь отступленія былъ ему отрѣзанъ конной партіею ауховцевъ, слѣва стояла пѣшая толпа, а со стороны рѣки начали наступать только что опрокинутые салатавцы.

Штабсъ-капитанъ Петровъ окинулъ зоркимъ взглядомъ окрестность и, замѣтя небольшую возвышенность, спѣшилъ эскадронъ за каменистымъ гребнемъ. Коноводы укрылись въ лощинѣ и были оцѣплены стрѣлками.

Чеченская конница бросилась въ шашки, но была отбита мѣткимъ огнемъ. Затѣмъ двинулись на нашихъ храбрецовъ и пѣшія толпы горцевъ. Становилось тяжело, но лихой эскадронъ рѣшилъ умереть. Но смерть видимо щадила храбрецовъ: вдали показалось облако пыли. На выручку драгунамъ спѣшили

двѣ роты кунаковъ—Дагестанскаго полка и остальные Нижегородскіе драгуны.

Горцы поскакали къ рѣкѣ Сулаку. Но штабсъ-капитанъ Петровъ не далъ имъ уйти безнаказанно. Вскочивъ на коней, 2-й эскадронъ помчался на перерѣзъ непріятелю и занялъ бродъ. Горцы должны были искать переправы въ другомъ мѣстѣ и наскочили на нашихъ Дагестанцевъ.

Такъ отличился славный 2-й эскадронъ, съ находчивымъ молодцемъ своимъ командиромъ.

Штабсъ-капитанъ Петровъ получилъ за это орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а на эскадронъ назначено два знака отличія военнаго ордена. Но Государь Императоръ еще иначе вознаградилъ молодца командира. Братья и сестры штабсъ-капитана Петрова были приняты на воспитаніе на казенный счетъ въ корпуса и институты.

Не только днемъ, но и ночью готовъ на побѣды Нижегородецъ.

Не разъ одерживались въ войнахъ съ горцами успѣхи подъ покровомъ ночи, а сраженіе при Бегли-Ахметѣ прибавило славную страницу къ полковой исторіи.

Въ самомъ началѣ войны 1877 года, во время наступленія нашего къ Карсу, турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша сформировалъ изъ горцевъ кавалерійскую бригаду и рѣшилъ направить ее въ тылъ русской арміи для дѣйствія противъ транспортовъ и обозовъ. Командиръ бригады Муса Кундуховъ хотѣлъ дойти до Тифлиса и намѣревался поднять возстаніе среди русскихъ мусульманъ.

17-го мая отрядъ Кундухова, силою въ 15 сотенъ при 2-хъ орудіяхъ, расположился у Бегли-Ахмета, предполагая на разсвѣтѣ переправиться черезъ рѣку

Карсъ-чай и затѣмъ идти къ нашимъ пограничнымъ уѣздамъ.

Ночь съ 17-го на 18-е мая была темная, хотя луна по временамъ и выглядывала изъ-за тучъ: мѣстность представляла удобства для дѣйствія кавалеріи. На непріятельскомъ бивакѣ царила глубокая тишина: ни пикетовъ, ни аванпостовъ вокругъ не было; торчало только нѣсколько часовыхъ у коновязей, но и тѣ къ разсвѣту вздремнули; турки не подозрѣвали близости русскихъ.

У насъ между тѣмъ готовилось ночное нападеніе на непріятельскую конницу. Въ 9 часовъ вечера прибѣжалъ въ Ардостъ армянскій священникъ и сообщилъ, что Кундуховъ стоитъ у Бегли-Ахмета. Извѣстіе это вскорѣ подтвердили наши разъѣзды. Тогда начальникъ конницы, генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, согласно приказанія корпуснаго командира, рѣшилъ окружить горскую конницу и съ наступленіемъ зари произвести на нее нападеніе со всѣхъ сторонъ.

Князь Чавчавадзе раздѣлилъ свои войска на три колонны. Правая—изъ 4-хъ эскадроновъ, 10 сотенъ и 4-хъ орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, должна была занять сѣверную сторону Бегли-Ахмета, чтобы отрѣзать отъ Карса; лѣвая—силою въ 16 сотенъ, полковника князя Эристова была послана вверхъ по лѣвому берегу Карсъ-чая, чтобы ударить съ юга на непріятельскій бивакъ и стать на пути отступленія турокъ въ Саганлугскія горы.

Средняя колонна изъ Нижегородскаго драгунскаго полка, 1-го Волжскаго казачьяго полка, 2-й Кубанской и 1-й Терской конныхъ батарей, всего изъ 4-хъ эскадроновъ, 4-хъ сотенъ и 12-ти орудій, подъ начальствомъ самого князя Чавчавадзе, должна была идти прямо на Бегли-Ахметъ.

Колонна князя Чавчавадзе продвинулась впередъ и остановилась въ трехъ верстахъ отъ непріятельскаго лагеря, чтобы дать боковымъ колоннамъ зайти впередъ. Въ это время, влѣво отъ насъ послышался шумъ движущейся конницы, а затѣмъ и выстрѣлы: оказалось, что лѣвая колонна князя Эристова сбилась съ пути, шла лишь въ полуверстѣ отъ средней колонны, попала на турецкій бивакъ и стала отступать.

Разсчитавъ, что горцы, преслѣдуя Эристова, все дальше и дальше будутъ отходить отъ бивака, князь Чавчавадзе приказалъ 1-му Волжскому полку подняться на хребетъ и ударить имъ въ тылъ, а самъ съ батареею и Нижегородскимъ полкомъ пошелъ впередъ.

Въ это время изъ за тучи показалась луна, и мѣстность нѣсколько освѣтилась. Полкъ развернулся; влѣво отъ батареи шелъ 1-й дивизіонъ, а правѣе — 2-й. Пули свистали со всѣхъ сторонъ, а спереди слышался шумъ и гамъ битвы. Полагая, что тамъ находится колонна князя Эристова, начальникъ отряда двинулъ къ ней на помощь весь 1-й дивизіонъ, оставивъ батарею лишь подъ прикрытіемъ 3-го и 4-го эскадроновъ.

1-й дивизіонъ подъ начальствомъ командира полка, полковника Кельнера, двинулся впередъ на выстрѣлы и встрѣтилъ скакавшихъ назадъ волжскихъ казаковъ, которые, увидя подкрѣпленіе, оправились и бросились опять впередъ. Драгуны продвинулись на версту, но, не встрѣтя непріятеля, остановились. Шумъ сраженія доносился и слѣва и справа, но наступившая вновь темнота, не позволяла разобраться въ чемъ дѣло.

Вдругъ раздался вблизи гулъ. Драгуны встрепенулись, но напрасно, то подъѣхала безъ всякаго прикрытія, оставшаяся со 2-мъ дивизіономъ, батарея.

Оказалось, что 3-й и 4-й эскадроны уже, совершенно для нихъ неожиданно, ввязались въ бой.

Дѣло произошло такъ: когда 1-й дивизіонъ ушелъ впередъ, вправо отъ 2-го дивизіона послышался шумъ двигавшихся какихъ-то войскъ. Полагая, что это подходитъ правая колонна, князь Чавчавадзе одинъ поднялся на возвышенность и громко крикнулъ: „Какая это часть"? Вмѣсто отвѣта послѣдовалъ залпъ,—но князь остался невредимъ.

Не выдержали тутъ Нижегородцы. Не успѣлъ князь Чавчавадзе оглянуться, какъ мимо него пронесся топотъ. Не ожидая чьихъ либо приказаній, маіоръ Витте бросился съ 3-мъ эскадрономъ на выстрѣлы, и на ошеломленныхъ горцевъ посыпались со всѣхъ сторонъ шашечные удары. Огромная толпа пѣшихъ горцевъ, смятая и стоптанная конями, не могла даже бѣжать, потому что драгуны косили ее, какъ траву. Тогда на помощь къ пѣшимъ кинулись конные, и началась жестокая рубка. Самъ Витте едва не погибъ въ рукопашномъ бою, и былъ спасенъ только рядовымъ Юнайтусомъ, который, во время замѣтивъ опасность, отвелъ направленный на него ударъ. Сѣча длилась нѣсколько минутъ, но горцы наконецъ не выдержали, повернули коней и помчались назадъ. Драгуны гнались за ними и устилали путь вражескими тѣлами. Но вотъ, на смѣну бѣгущимъ являются свѣжія массы, и Витте видитъ вокругъ себя подавляющія силы. Но чѣмъ становилось труднѣе, тѣмъ лучше дрался 3-й эскадронъ, встрѣчая съ несокрушимымъ мужествомъ все прибывающаго врага.

Между тѣмъ 4-й эскадронъ, оставшійся при батареѣ, продолжалъ подвигаться впередъ и вмѣстѣ съ нею поднялся наконецъ на крутую, и притомъ довольно каменистую возвышенность. Влѣво, въ какой нибудь

верстѣ, опять таки за цѣлымъ рядомъ холмовъ, чуть видны были догоравшіе огни турецкихъ биваковъ.

И вотъ, оставя батарею на защиту лишь своей прислуги, командиръ полка, полковникъ Кельнеръ, подозвалъ командира 2-го дивизіона маіора Наврузова:

„Надо оттянуть турокъ отъ 3-го эскадрона и выручить Витте. Гдѣ непріятель, я навѣрно не знаю, но идите и атакуйте горцевъ"! сказалъ полковникъ.

Ни маіоръ Наврузовъ, ни командиръ 4-го эскадрона капитанъ Кусовъ, не стали распрашивать. Не слова требовались, а—дѣло.

И 4-й эскадронъ тронулся рысью. Вскорѣ слѣдовавшіе впереди наѣздники услыхали за ближайшимъ холмомъ какой-то говоръ и пріостановились. „Князь Ростомъ", сказалъ капитанъ Кусовъ, „посмотри въ чемъ дѣло"! Поручикъ, князь Церетели, пришпорилъ коня и выскочилъ на холмъ.

Съ нимъ выѣхалъ рядовой Савченко, отличный наѣздникъ, присматривавшій за лошадьми ротмистра Кусова и до сихъ поръ съ начала похода не становившійся въ строй, а остававшійся при обозѣ со второю лошадью эскадроннаго командира. Сегодня, узнавъ о предполагавшемся ночномъ нападеніи, онъ упросилъ капитана Кусова разрѣшить идти съ эскадрономъ.

Съ возвышенности князь Церетели болѣе ясно услыхалъ людской говоръ и разсмотрѣлъ смутное очертаніе двигавшихся фигуръ. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него мелькнуло что-то бѣлое. Всмотрѣвшись, поручикъ разглядѣлъ бѣлую феску.

„Кусовъ, это не наши, здѣсь непріятель"!, крикнулъ Церетели.

Въ отвѣтъ на эти слова грянулъ залпъ. Лошадь Савченко рванулась впередъ и понесла своего всадника.

Затѣмъ послышалась команда „Маршъ--маршъ", и 4-й эскадронъ съ капитаномъ Кусовымъ во главѣ

съ мѣста бросился въ атаку и тутъ же врѣзался въ конную массу турокъ. Скакавшій впереди прапорщикъ, баронъ-де-Форжетъ, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ горцами и жестоко израненъ. Черезъ нѣсколько времени нашли на пашнѣ лежавшаго Форжета съ окровавленною головою. Черепъ прапорщика былъ разрубленъ и отсѣченная часть головы, опрокинутая назадъ, висѣла около шеи. Ему соединили обѣ части головы и перевязали черепъ платкомъ.

Форжетъ на минуту открылъ глаза и, увидѣвъ знакомыя черты товарищей, проговорилъ.

„Голубчики, не оставляйте меня здѣсь“.

Его отправили на перевязочный пунктъ, а къ вечеру храбреца не стало.

И наши рубили жестоко. На ѣхавшаго въ замкѣ эскадрона вахмистра Клюшникова съ тылу наскочилъ горецъ. Клюшниковъ, не измѣняя направленія скачки, размахнулся шашкою назадъ и мощнымъ ударомъ разнесъ горцу челюсть. Подъ капитаномъ Кусовымъ убита лошадь, но рядовой Сидоровъ даетъ ему свою, а самъ, примкнувши штыкъ, бросается въ рукопашную схватку пѣшкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ горцы уже мчались назадъ, а драгуны, преслѣдуя и рубя бѣгущихъ, внезапно налетѣли на главныя силы Кундухова, смяли ихъ и неслись все дальше и дальше, продолжая истребленіе. Самъ Кундуховъ, сидѣвшій на превосходной лошади, едва ускакалъ, но его значекъ и оба горныхъ орудія были отбиты драгунами. Турецкій штабъ-офицеръ, командовавшій резервомъ, былъ найденъ послѣ боя съ 17-ю шашечными ранами.

Тутъ же былъ подобранъ, смертельно раненый пулею въ лобъ Савченко. Раненый онъ уже не могъ сдержать лошадь и былъ сюда занесенъ конемъ.

Съ пораженіемъ Кундухова и потерей орудій началось поголовное бѣгство непріятеля. Видя, что эскадронъ, проскакавшій болѣе двухъ верстъ, начинаетъ разрываться, маіоръ Наврузовъ послалъ просить подкрѣпленій.

Вѣстовой случайно наткнулся на полковника Кельнера, который, оставя при орудіяхъ 2-й эскадронъ, повелъ впередъ первый. Но помощь оказалось уже не нужною: 3-й и 4-й эскадроны возвращались назадъ изъ своего преслѣдованія.

Бегли-Ахметское сраженіе было окончено. Кромѣ прапорщика Форжета, умершаго отъ ранъ, Нижегородцы потеряли 6 нижнихъ чиновъ убитыми, 16 ранеными, и 28 лошадей, выбывшими изъ строя. Трофеи 4-го эскадрона были два горныхъ орудія, четыре зарядныхъ ящика и два значка, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ самому Кундухову.

Къ 8 часамъ утра вся кавалерія собралась въ Бегли-Ахметѣ и послѣ короткаго привала двинулась обратно къ Карсъ-чаю, куда съ другой стороны подходила уже пѣхота генерала Геймана. Гренадеры, выстроившіеся на своихъ бивакахъ, встрѣтили Нижегородцевъ восторженнымъ „ура“! Впереди шелъ 4-й эскадронъ и везъ отбитые значки и орудія. Кругомъ рукоплескали и кричали: „Браво Нижегородцы“, а всѣ хоры музыки играли Нижегородскій маршъ.

За блестящимъ для Нижегородцевъ днемъ послѣдовали и блестящія награды: командиръ 2-го дивизіона маіоръ Наврузовъ получилъ орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени и чинъ подполковника: обоимъ эскадроннымъ командирамъ: маіору Витте и капитану Кусову пожалованы золотыя шашки и, сверхъ того Витте произведенъ въ подполковники, а Кусовъ—въ маіоры. Нижнимъ чинамъ назначено 18 знаковъ отличія Военнаго ордена

и, кромѣ того, нѣсколько крестовъ пожаловано было особо раненымъ, на которыхъ навѣсилъ ихъ самъ корпусный командиръ при посѣщеніи походнаго лазарета. Откликнулся на это славное дѣло и старый командиръ Нижегородцевъ генералъ-лейтенантъ графъ Иванъ Григорьевичъ Ностицъ, который письмомъ на имя полкового командира поздравилъ полкъ съ молодецкимъ дѣломъ и прислалъ 500 рублей для раздачи раненымъ и тѣмъ, кто удостоился знака отличія Военнаго ордена.

Но для Нижегородцевъ Бегли-Ахметская побѣда имѣла еще особое значеніе.

Вотъ что сказалъ черезъ двадцать четыре года послѣ Бегли-Ахмета, бывшій въ дѣлѣ князь Церетели.

„Въ послѣднюю турецкую кампанію полкъ почти цѣликомъ состоялъ изъ молодежи, поступившей на службу по недавно введенному закону о всеобщей воинской повинности. Въ строю не было уже закаленныхъ въ бояхъ героевъ Кавказскихъ войнъ, старыхъ шевронистовъ. Среди офицеровъ тоже было мало бывалыхъ въ бояхъ. Поэтому, выступая противъ Кундухова, насъ всѣхъ безпокоила мысль, сумѣемъ ли поддержать славу нашего дорогаго Нижегородскаго полка.

Оказалось, что полкъ все тотъ же. „Мы увидѣли и поняли, что и въ будущемъ славу полка сохранятъ боевыя преданія и завѣтъ старыхъ Нижегородцевъ“.

Въ жизни полка конечно бывали трудныя минуты, но Нижегородцы изъ самыхъ тяжелыхъ положеній всегда выходили съ честью и славою.

2-го октября 1877 года было получено извѣстіе, что шесть баталіоновъ турокъ изъ корпуса Измаилъ-паши прошли черезъ Кагызманъ и двигаются на соединеніе съ аладжинскими войсками.

Тогда генералъ Лазаревъ для повѣрки этого свѣдѣнія выслалъ кавалерійскій отрядъ маіора Витте въ составѣ 3-го эскадрона Нижегородцевъ, сотни 2-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка и взвода Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Картъ не было и съ отрядомъ былъ посланъ турокъ-проводникъ.

Маіоръ Витте въ 10 ч. утра прибылъ въ Хаджи-Халилъ. Здѣсь онъ отъ старшины узналъ, что 6 турецкихъ баталіоновъ ночевали въ селеніи и рано утромъ пошли на Аладжу. Повѣривъ старшинѣ, командиръ эскадрона рѣшилъ двинуться по направленію на Карсъ, выбравъ по совѣту проводника дорогу по дну Магараджикскаго оврага, съ почти отвѣсными берегами.

Дорога шла въ гору. Впереди ѣхалъ маіоръ Витте съ войсковымъ старшиною Ржевусскимъ и проводникомъ, за ними казачья сотня, потомъ взводъ дагестанцевъ и наконецъ Нижегородскій эскадронъ, подъ командою капитана Литвинова. Но едва офицеры выѣхали изъ оврага, какъ увидѣли въ тридцати шагахъ впереди 6 непріятельскихъ баталіоновъ. Турки шли совершенно безпечно, безъ мѣръ предосторожности, съ отомкнутыми штыками.

Маіоръ Витте быстро сообразилъ, что повернувъ назадъ, ему приходилось бы отступать вдоль оврага подъ продольнымъ огнемъ турокъ. Онъ рѣшилъ прорваться впередъ черезъ непріятеля.

Выхвативъ шашку и крикнувъ „ура“, бросился онъ впередъ. За нимъ ринулись двѣсти нашихъ всадниковъ на пятитысячнаго непріятеля.

Турки до того оторопѣли при этомъ внезапномъ налетѣ, что наша кавалерія успѣла смять головной баталіонъ и пробиться сквозь остальные, кося направо и налѣво, прежде чѣмъ они пришли въ себя.

Когда турки опомнились, наши были уже по ту сторону баталіоновъ и, какъ вихрь, уносились въ даль, чтобы уйти изъ подъ выстрѣловъ непріятеля.

Казалось наше дѣло выиграно. Но тутъ случилась неожиданная бѣда. Отскакавъ на триста шаговъ отъ пѣхоты, Витте вдругъ остановился. Вмѣсто гладкой мѣстности, какъ казалось издали, передъ отрядомъ очутилась громадная щель. Хватились проводника, но онъ изчезъ безслѣдно, повидимо измѣнивъ и предавъ насъ.

Ни обскакать оврагъ стороною, ни спуститься внизъ по отвѣсу, не было возможности. А турки между тѣмъ развернулись покоемъ и съ трехъ сторонъ открыли учащенный огонь.

Что было дѣлать? Впереди—пропасть, позади—шесть баталіоновъ турецкой пѣхоты.

Маіоръ Витте не потерялся. „Братцы! кругомъ! Ура"! крикнулъ онъ. И вся наша конница повернула снова на турокъ.

Атака была дружная, но и турки стояли твердо, и намъ пришлось прокладывать дорогу сквозь стальную стѣну штыковъ. Изрубленные, смятые, затоптанные конскими копытами, падали турецкіе солдаты, а на нихъ десятками валились драгуны, казаки и дагестанцы На одну убитую лошадь спотыкалось и падало нѣсколько драгунъ, увлекая за собою и всадниковъ, которымъ надежды на спасеніе уже не было. Шумъ рукопашной свалки, ружейные залпы, крики, стоны, бряцаніе и лязгъ оружія—стояли въ воздухѣ. Но вотъ, наконецъ, кавалерія прорвалась и исчезла въ ущельѣ. Турки повернули кругомъ и успѣли дать еще два три залпа, пока отрядъ не скрылся за крутымъ поворотомъ оврага.

Очутившись въ ущельѣ, кавалерія наша пошла на полныхъ рысяхъ, чтобы скорѣе миновать это опасное

мѣсто. Большинство драгунъ ѣхало безъ головныхъ уборовъ, которые были сбиты въ свалкѣ; раненые при скорой ѣздѣ невыносимо страдали, ихъ надо было поддерживать въ сѣдлахъ, чтобы не бросить въ полѣ.

Шли безостановочно и лишь вечеромъ остановились, чтобы дать передохнуть лошадямъ и перевязать раненыхъ. Люди сами перевязывали другъ друга; самъ Витте сидѣлъ на лошади контуженный.

Въ полночь двинулись дальше и увидѣли вдали массу разложенныхъ костровъ. Посланные туда казаки дали знать, что около нихъ слышенъ турецкій говоръ, и потому отрядъ обошелъ ихъ стороною. Лишь на разсвѣтѣ расположился отрядъ на бивакѣ около д. Акряка.

Когда стали считать людей—недоставало двухъ офицеровъ и девяносто двухъ нижнихъ чиновъ. Позднѣе многіе подтянулись, но все же изъ 137 ниж. чин. Нижегородцевъ—убито было 26, и въ томъ числѣ всѣ четыре взводные вахмистра; ранено 12 и безъ вѣсти пропало трое. Лошадей выбыло изъ строя 58.

Изъ числа трехъ драгунъ, пропавшихъ безъ вѣсти, потомъ оказалось, что одинъ находился въ плѣну въ Константинополѣ, а двое были убиты въ Карсѣ за отказъ вступить въ турецкую службу. Доблестные Нижегородцы предпочли измѣнѣ славную смерть и были разстрѣляны на крѣпостномъ валу.

За это дѣло маіоръ Витте былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Самъ погибай,—а товарища выручай, помнитъ Нижегородецъ, и товарищами конечно считаетъ всякаго русскаго солдата. Подъ Башкадыкляромъ и Кюрюкъ-Дара Нижегородцы рубятъ турокъ, выручая свою пѣхоту и артиллерію.

Въ 1864 году, послѣ набѣга къ Курджипсу, двѣ роты пѣхоты, сотня казаковъ и 1-й эскадронъ Ниже-

городцевъ двинулись въ ущелье, чтобы забрать накошенное сѣно.

Нагрузивъ лошадей сѣномъ, командиръ эскадрона, поручикъ Барановъ, хотѣлъ уже возвращаться домой, какъ вдругъ спереди раздались выстрѣлы. Барановъ понялъ, что дѣло плохо и, быстро приказавъ сбросить сѣно, кинулся съ эскадрономъ впередъ. Выскочивъ на холмъ, Нижегородцы увидѣли, что пѣхота наша, и сотня казаковъ, преслѣдуемые болѣе чѣмъ тысячью горцевъ, въ страхѣ бѣжали къ лагерю; абадзехи рубили обезумѣвшихъ солдатъ.

Поручикъ Барановъ, не раздумывая долго съ своими 80-ю драгунами бросился выручать пѣхоту. Не ожидавшіе нашего нападенія горцы повернули. И абадзехи и драгуны, перемѣшавшись понеслись такою скученною массою, что рядовой Макаренко, будучи раненъ шашкою, упалъ съ коня и былъ растоптанъ копытами. Его подняли уже мертвымъ. Рядовые Тимофѣевъ и Федорецъ, зарвавшіеся во время преслѣдованія, были изрублены, шесть человѣкъ ранены. Подъ самимъ поручикомъ Барановымъ была убита лошадь. Скакавшій сзади его эскадронный трубачъ Матля изрубилъ абадзеха и помогъ своему эскадронному сѣсть на другую лошадь.

Горцы между тѣмъ спустились въ балку и начали отстрѣливаться изъ орѣшника. 1-й эскадронъ занялъ позицію въ пѣшемъ строю и не пустилъ абадзеховъ впередъ до подхода пѣхоты. Подвигъ Нижегородцевъ спасъ не только бѣжавшихъ фуражировъ, но и весь нашъ лагерь.

Поручикъ Барановъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а знаки отличія Военнаго ордена получили унтеръ-офицеры Кошелевъ и Соболевъ, рядовые Скелевой, Вишневскій и Чуханостовъ.

Если же приходится выручать своего однополчанина, Нижегородцы дѣлаютъ чудеса храбрости.

Въ 1829 году Паскевичъ хотѣлъ было распустить свои войска на зимнія квартиры, какъ были получены свѣдѣнія о сборѣ 18 тысячной турецкой арміи у Бейбурта. Тогда нашъ главнокомандующій рѣшилъ разбить непріятеля и повелъ войска впередъ.

Казачій отрядъ сбилъ передовой отрядъ турокъ, которые отступили къ расположенному на гористой мѣстности Бейбурту. Но турки сдѣлали ошибку. выйдя впередъ изъ нѣкоторыхъ окоповъ, и Паскевичъ немедленно устремилъ нашъ корпусъ въ атаку.

Едва Нижегородскій полкъ подъ командою полковника князя Андроникова выдвинулся въ колоннахъ къ атакѣ противъ, начавшихъ уже отступать. турокъ, какъ выскочилъ впередъ свѣжій непріятельскій кавалерійскій полкъ и остановился противъ Нижегородцевъ. Вдругъ отъ цѣпи турецкихъ фланкеровъ отдѣлился офицеръ, подскочилъ къ драгунскому фронту и выстрѣлилъ изъ пистолета. Князь Ясонъ Чавчавадзе, стоявшій передъ первымъ взводомъ 1-го эскадрона, съ поднятою плетью кинулся на турка, который сталъ уходить. Князь Чавчавадзе насѣлъ на него и, преслѣдуя, подскакалъ къ турецкимъ линіямъ.

Взводъ князя Чавчавадзе, какъ одинъ человѣкъ, бросился на выручку своего командира. Но и остальные три взвода перваго эскадрона рѣшили выручить свой взводъ и также кинулись впередъ. Не захотѣлъ отставать въ дѣлѣ выручки товарищей второй эскадронъ, а затѣмъ и остальные. И вотъ весь Нижегородскій полкъ полетѣлъ впередъ, опрокинулъ турецкую кавалерію и помчался за нею къ укрѣпленіямъ...

Между тѣмъ, князь Ясонъ Чавчавадзе скакалъ все дальше и дальше за турецкимъ офицеромъ, который наконецъ вскочилъ въ укрѣпленіе. Чавчавадзе пріостановился только на мигъ, далъ шпоры, и бѣлый кабардинскій конь, отдѣлившись отъ земли, перелетѣлъ окопъ и скрылся за валомъ. Нижегородецъ очутился одинъ среди тысячи турокъ. Но тѣ не пришли еще въ себя отъ удивленія при видѣ незваннаго гостя, какъ принеслись и драгуны. Полковникъ Андрониковъ вмѣстѣ съ 1-мъ дивизіономъ полковника Маркова ринулся на батарею и уже сидѣлъ на пушкахъ. Два орудія сразу попали въ руки драгунъ: одно изъ нихъ было заряжено картечью. Тогда другой Чавчавадзе, Романъ, спрыгнувъ съ коня и повернувъ орудіе, самъ сдѣлалъ изъ послѣдняго картечный выстрѣлъ по бѣгущимъ туркамъ. 2-й дивизіонъ капитана Гринфельда въ это время овладѣлъ батареею, а 3-й—маіора князя Баратова прорубился черезъ пѣхоту и взялъ цѣлый непріятельскій лагерь.

Такимъ образомъ, выручая товарищей, Нижегородцы не только атаковали непріятеля, но въ конномъ строю взяли турецкія укрѣпленія. Подвигъ этотъ былъ совершенъ 27 сентября 1829 года.

На сколько въ Нижегородцѣ развито сознаніе необходимости жертвовать собою для спасенія товарищей можно видѣть изъ слѣдующаго замѣчательнаго случая.

Въ 1843 году поступилъ на службу въ полкъ рядовой Дудатьевъ и цѣлыхъ девять лѣтъ считался набожнымъ, тихимъ, исправнымъ и работящимъ солдатомъ. Вдругъ Дудатьевъ исчезъ и, по полученнымъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, оказалось, что онъ находится невольникомъ у наиба Каиръ-Бека, безропотно исполняя всѣ черныя работы. И вотъ Ду-

датьевъ, котораго въ полку считали бѣжавшимъ, совершилъ высокій подвигъ **военнаго товарищества.**

Однажды тѣ-же горцы захватили въ плѣнъ юнкера Нижегородскаго полка Готовицкаго, заковали въ цѣпи и бросили въ холодную яму. Болѣзненный юнкеръ захворалъ. Тогда горцы перевели его въ саклю, вмѣсто постели поставили голую тахту, приковали къ стѣнѣ и отдали подъ надзоръ злого старика.

Случилось разъ, что въ аулѣ остались однѣ женщины, и Дудатьеву удалось незамѣтно перекинуться съ Готовицкимъ нѣсколькими словами, условившись бѣжать. Вечеромъ юнкеръ попросился выйти. Исполнившая его просьбу женщина осталась за саклею. Дудатьевъ подползъ къ юнкеру взвалилъ его на плечи, бѣгомъ бросился къ рѣкѣ и съ товарищемъ опустился по горло въ воду.

Черезъ нѣсколько времени женщина подняла тревогу, и жители по всѣмъ направленіямъ бросились искать русскихъ. Имъ однако не пришло въ голову, чтобы въ февралѣ, въ морозъ, можно было рѣшиться окунуться въ воду, и потому въ рѣкѣ плѣнниковъ не искали. Скоро все смолкло и Дудатьевъ разбилъ кандалы Готовицкаго. Оказалось однако, что ноги юнкера были всѣ въ ранахъ и идти ему было невозможно. Тогда здоровый Нижегородецъ, не задумываясь, понесъ на себѣ больного. Направившись въ лѣсъ, шелъ онъ впередъ цѣлую ночь, а на день спрятался въ пещеру. Тутъ мимо ихъ проѣхала преслѣдовавшая ихъ партія салатавцевъ и изъ словъ ихъ Дудатьевъ понялъ, что искали ихъ, главнымъ образомъ, около ручья, черезъ который лежалъ путь въ Чиръ-юртъ и, не найдя, бросились къ развалинамъ хуторовъ въ лѣсу.

Когда горцы скрылись, Дудатьевъ поблагодарилъ Бога за спасеніе. Онъ точно не зналъ до сихъ поръ,

куда дальше идти, но теперь по слѣдамъ партіи понесъ Готовицкаго къ ручью. И вотъ, послѣ странствованія по глубокому снѣгу, послѣ страшныхъ трудностей и лишеній, питаясь одними кореньями, окруженный искавшими ихъ салатавцами, на шестой день принесъ Дудатьевъ юнкера въ казармы Нижегородцевъ, въ Чиръ-юртъ.

Главнокомандующій приказалъ, время проведенное Дудатьевымъ въ плѣну, считать за дѣйствительную службу и прислалъ ему въ награду 25 рублей. Государь же Николай Павловичъ наградилъ Дудатьева медалью „за спасеніе погибающихъ,“ приказалъ выдать 150 рублей и подвигъ его сдѣлать извѣстнымъ всей русской арміи. Готовицкій съ своей стороны до смерти выплачивалъ ему особую пенсію.

Во время борьбы съ горцами, Нижегородцы считали позоромъ оставлять въ рукахъ непріятеля не только захваченныхъ товарищей, но раненыхъ и даже тѣла своихъ убитыхъ. Обыкновенно у тѣлъ происходятъ жаркія схватки. Часто вмѣсто одного убитаго приходится увезти пять или шесть тѣлъ.

Въ 1864 г., въ Курджипскомъ ущельи, 3-й эскадронъ Нижегородскаго полка, преслѣдуя партію горцевъ, ворвался въ лѣсъ. Впереди всѣхъ скакалъ молодой офицеръ, прапорщикъ князь Сумбатовъ; онъ былъ хорошій ѣздокъ, но сидѣлъ въ этотъ день на чужой незнакомой лошади. Вдругъ изъ за деревьевъ грянулъ залпъ, и Сумбатовъ, раненый въ руку, выронилъ поводъ. Лошадь понесла. Нѣсколько драгунъ кинулось къ нему на помощь, но раздался новый залпъ и прапорщикъ упалъ съ коня, прострѣленный въ животъ на вылетъ. Горцы сочли его убитымъ и кинулись, чтобы захватить тѣло офицера. Произошла рукопашная свалка. Подъ княземъ Орбеліани была ранена лошадь въ то время, какъ онъ, пробиваясь,

къ тѣлу Сумбатова, изрубилъ абадзеха; тутъ же былъ убитъ унтеръ-офицеръ Касьяновъ и рядовые Кочкуровъ, Эртулинъ, Трояновъ, Сультъ, Агѣевъ и Галюкъ; ранено 13 драгунъ и 25 лошадей выведено изъ фронта. Тѣмъ не менѣе эскадронъ отстоялъ тѣло офицера, поднялъ своихъ убитыхъ и раненыхъ и вывезъ ихъ въ лагерь.

Нижегородецъ считаетъ позоромъ для себя оставлять въ рукахъ непріятеля не только своихъ раненыхъ и убитыхъ, но выноситъ съ поля сраженія даже полковыхъ животныхъ.

Въ 1855 году во время штурма Карса, въ полку была собака, по имени Мурзикъ, которая принадлежала собственно 3-му эскадрону, но была любимицею и баловницей всего полка. Когда и какимъ образомъ она очутилась въ 3-мъ эскадронѣ—этого даже не помнили—просто приласкали гдѣ-то щенка, онъ выросъ и сталъ большою собакою, съ которою солдаты дѣлились послѣднимъ сухаремъ. Мурзикъ, никогда не отстававшій отъ полка, пошелъ и на штурмъ вмѣстѣ съ охотниками, и вмѣстѣ съ ними былъ въ турецкомъ редутѣ. Тамъ его жестоко ранили пулею. Несмотря, однако, на страшную сумятицу боя и большія потери, понесенныя драгунами, солдаты все-таки подхватили Мурзика и вывезли его на сѣдлѣ изъ битвы. Въ лагерѣ его вылѣчили. Мурзикъ, по прежнему сопровождая полкъ, участвовалъ въ бою подъ Ачхоемъ, не боясь ни пуль горцевъ, ни гика шапсуговъ.

Нижегородецъ: командиръ полка, офицеръ и рядовой, всѣ одинаково храбры.

Достаточно сказать, что въ послѣднюю турецкую войну, когда нижніе чины отбывали уже теперешніе короткіе сроки службы, изъ 750 Нижегородцевъ, пере-

шедшихъ границу, 150 человѣкъ были награждены знаками отличія Военнаго ордена. Изъ 24-хъ же офицеровъ 6 получили Георгіевскіе кресты!

Храбрость свою Нижегородецъ проявляетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ щеголяетъ ею.

Однажды, во время Кавказскихъ войнъ, когда Нижегородцы шли по берегу рѣки Рошни, непріятель сдѣлалъ пушечный выстрѣлъ, и снарядъ упалъ какъ разъ передъ 2-мъ эскадрономъ. Юнкеръ Сапѣга съ головы до ногъ былъ осыпанъ землею. — „Это ядро", сказалъ ѣхавшій съ нимъ товарищъ. — „Граната", хладнокровно отозвался Сапѣга. — „Нѣтъ ядро". „А я тебѣ говорю: граната". „Давай пари!" „Изволь". Сапѣга слѣзъ съ лошади, схватилъ вертѣвшійся еще снарядъ и поднесъ его прямо къ носу товарища. Тотъ въ ужасѣ отшатнулся. Въ рукахъ Сапѣги, дѣйствительно, оказалась граната. „Увѣрился?" хладнокровно спросилъ Сапѣга и швырнулъ снарядъ въ сторону. Граната лопнула, и осколки ея прошипѣли въ воздухѣ. Главнокомандующій, до котораго стороною дошелъ слухъ о невинномъ развлеченіи драгунскихъ юнкеровъ, засмѣялся. „Такіе заклады даже англичанамъ не приходили въ голову", сказалъ онъ и велѣлъ послать Сапѣгѣ знакъ отличія Военнаго ордена.

Во время боя у Курчулъ-аула въ 1857 году 3-й эскадронъ бросился въ атаку противъ орудій Шамиля. Горцы, однако, мигомъ убрали пушки и встрѣтили Нижегородцевъ ружейнымъ огнемъ изъ крайнихъ домовъ, изъ за плетней и кладбища. Эскадронъ быстро спѣшился и съ крикомъ „ура" ворвался въ аулъ. Не ожидавшіе этого горцы, спѣшно очистили аулъ и отступили въ лѣсъ за оврагъ. Тогда драгуны разсыпались по самому краю обрыва. Стрѣлки залегли, кто

за что попало, и только одинъ рядовой Алексѣй Богдановъ стоялъ на глазахъ у всѣхъ надъ самою кручей. Его высокая, красивая фигура въ полушубкѣ, перетянутомъ ремнемъ, привлекала вниманіе всѣхъ и служила мишенью для непріятеля. Осыпаемый пулями, онъ молча слалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ и только разъ, обернувшись назадъ, процѣдилъ сквозь зубы: „Скотина". Слово это онъ послалъ молодому солдатику, недавно переименованному изъ бывшихъ барабанщиковъ, который, не приладившись еще къ своему ружью, пустилъ пулю около Богданова и чуть не убилъ его.

Нижегородецъ-нестроевой—въ храбрости не уступаетъ строевому товарищу.

Въ преданіяхъ полка и теперь еще живетъ разсказъ о молодецкомъ подвигѣ въ 1853 году, находившагося въ обозѣ при офицерскихъ вещахъ, рядового Перебейноса. Онъ былъ верхомъ и держалъ въ поводу вьючную офицерскую лошадь. Двѣ куртинскія пики пробили его панталеръ, сорвали карабинъ и сильнымъ толчкомъ сбили его съ лошади. Но, падая, Перебейносъ не выпустилъ повода; онъ быстро вскочилъ на ноги и ловкимъ ударомъ пики свалилъ обоихъ враговъ. Сѣсть на коня онъ уже не успѣлъ и пѣшкомъ защищалъ офицерскій вьюкъ отъ цѣлой толпы башибузуковъ. Его выручили пикинеры.

Въ томъ же дѣлѣ толпа куртинъ наскакала на повозку, которою правилъ артельщикъ 10-го эскадрона Федоръ Кузнецовъ. Нѣсколько куртинскихъ пикъ подняли его, и одна, скользнувши по лицу, вышибла ему передніе зубы. Кузнецовъ залился кровью, но вдругъ вскинулъ къ плечу карабинъ и выстрѣлилъ. Молодой куртинъ, въ богатой, расшитой

золотомъ курткѣ, нападавшій впереди другихъ, распростерся мертвымъ у самой тѣлеги; остальные отхлынули. Кузнецовъ быстро снова зарядилъ карабинъ, и отстоялъ повозку.

Храбрый въ бою Нижегородецъ помнитъ завѣтъ Суворова: „Обывателя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ“.

Заняли послѣ упорнаго, ожесточеннаго боя непріятельскій аулъ, и усачъ—Нижегородецъ спѣшитъ перевязать раны съ нимъ же сражавшагося горца, нянчитъ на рукахъ вражескихъ дѣтей!

Во время дѣйствій противъ шапсуговъ въ 1860 году нашъ отрядъ былъ двинутъ для наказанія непокорныхъ горцевъ. Большой аулъ ихъ Сухунокоякъ былъ сожженъ.

Послѣ дѣла съ горцами поручикъ Махатадзе былъ посланъ къ 3-му эскадрону съ приказаніемъ отходить. Когда поручикъ ѣхалъ частымъ кустарникомъ, то вдругъ выскочили два шапсуга и напали на Махатадзе; одинъ кинулся съ обнаженною шашкою, другой почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Храбрый офицеръ моментально срубилъ обоихъ и поскакалъ дальше передавать приказанія. Возвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ, что у трупа одного изъ шапсуговъ сидѣла маленькая черная, грязная дѣвочка. Махатадзе стало жалко бѣдняжки, и онъ взялъ ее на лошадь и привезъ въ отрядъ. Всѣ офицеры собрались посмотрѣть на маленькую плѣнницу и рѣшили взять ее на воспитаніе. Дѣвочка была окрещена Маріею, получила отчество по имени воспріемника командира полка Николая Граббе и двойную фамилію Дегужи-Нижегородская. Офицеры полка стали собирать для нея приданное, для чего изъ жалованья ихъ дѣлали ежемѣсячные вычеты.

Первое время дѣвочка росла при полку и обратила на себя вниманіе Государя Императора Александра Николаевича. Его Величество на слѣдующее по пріѣздѣ утро обходилъ лагерь. Войска были вызваны на линію. На правомъ флангѣ Нижегородцевъ стояло все начальство. Машѣ велѣно было оставаться въ палаткѣ; но дѣвочка, слышавшая въ послѣдніе дни нескончаемые разговоры про предстоявшій пріѣздъ Государя, волновалась не менѣе другихъ и, наконецъ, не выдержала. Одѣвшись въ красивое азіятское платье, она потихоньку пробралась позади своихъ драгунъ и, подвигаясь все дальше и дальше, никѣмъ не замѣченная, остановилась наконецъ рядомъ съ начальникомъ дивизіи, генераломъ Тихоцкимъ. Никто ее не видѣлъ. Все вниманіе и всѣ взоры обращены были на приближавшагося Государя. Громкое ура неслось по линіи и гулкимъ, перекатнымъ эхо отдавалось въ горахъ. Минута была торжественная.

Маша подвинулась еще впередъ—и очутилась какъ разъ передъ Государемъ. Внезапное появленіе маленькой дѣвочки среди грознаго военнаго стана, видимо изумило Государя. Онъ улыбнулся.

„Это что у Васъ"?—спросилъ онъ у генерала Тихоцкаго.

Всѣ оглянулись—и только тутъ увидѣли свою Машу. Генералъ доложилъ Государю исторію дѣвочки, удочеренной Нижегородцами. Государь обласкалъ ребенка и, взявъ ее за руку, повелъ съ собою по лагерю. Такъ счастливая дѣвочка рука въ руку съ Императоромъ и обошла всю линію. Вернулась она гордая и радостная. Государь далъ ей конфектъ и цѣлую горсть серебряныхъ денегъ. Маша оставила конфекты у себя, а монеты раздала своимъ дядькамъ,—драгунамъ Анаскевичу и Плуталову.

Свою пріемную дочь любили всѣ офицеры. Сама Маша Нижегородская, обожая родной полкъ, казалось росла на радость воспитателямъ. Къ несчастью слабая здоровьемъ дѣвушка заболѣла и пятнадцати лѣтъ скончалась. Полкъ поставилъ ей въ Царскихъ Колодцахъ памятникъ, а, собранный для нея, капиталъ завѣщалъ для выдачи заимообразныхъ ссудъ офицерамъ въ память покойной Маши.

На службѣ Нижегородецъ не знаетъ трудностей, не боится усталости.

Завоеваніе Кавказа далось не легко нашимъ храбрымъ войскамъ. Помимо постоянныхъ военныхъ дѣйствій, уносившихъ почти ежедневно нѣсколько жизней, приходилось бороться съ суровою природою и тяжелымъ климатомъ.

Всѣмъ извѣстна служба кавалерійскаго солдата, которому цѣлый день и ночь почти нѣтъ отдыха. Придетъ на бивакъ, усталый и измученный, хочется заснуть. Но не тутъ то было: убери коня, накорми и напой его. Окончишь съ лошадью, иди на занятія, въ наряды. Но эти трудности теперешней службы мирнаго времени положительно игрушки въ сравненіи съ тѣмъ, что приходилось испытывать въ былое время Нижегородцамъ.

Полкъ рѣдко стоялъ на одномъ мѣстѣ, а постоянно въ силу военной необходимости кочевалъ по разнымъ стоянкамъ, и вездѣ приходилось обстраиваться, приготовляясь къ зимовкамъ, часто въ холодной суровой мѣстности. Сами Нижегородцы и рубили лѣсъ и свозили его. Они же являлись плотниками, столярами, каменщиками, печниками... возводя своими силами казармы. Карагачъ, Чиръ-юртъ, Царскіе-Колодцы и многія другія стоянки построены руками Нижегородцевъ. При этомъ не надо думать, чтобы

рубить лѣсъ было дѣломъ легкимъ. Нѣтъ, изъ-за каждаго дерева положительно сторожилъ драгуна горецъ и часто мѣткою пулею наносилъ раны и убивалъ нашихъ работниковъ. Поэтому работать слѣдовало въ полномъ вооруженіи, подъ постояннымъ прикрытіемъ.

Лѣтомъ трудъ Нижегородца увеличивался покосами, заготовкою сѣна на полкъ на круглый годъ. И опять таки косить приходилось часто подъ выстрѣлами непріятеля. Но драгуны косили лихо и славились такими-же лихими косарями, какъ храбрыми рубаками.

Вотъ, напримѣръ, какъ проводилъ день въ 1862 году на Бѣлорѣченской линіи 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка.

Рано утромъ, по пробитіи зари, дежурный эскадронъ дѣлалъ круговой объѣздъ вокругъ станицы, приблизительно на разстояніи отъ 3-хъ до 5-ти верстъ, начиная отъ берега Бѣлой съ одной стороны, и опять до ея берега съ другой. Подобный объѣздъ требовалъ большой осмотрительности и напряженнаго вниманія, ибо стоило пройти только два раза сряду по одному и тому же пути, чтобы на третій день попасть въ засаду. Съ особенною осторожностью надо было проходить и по самому берегу Бѣлой, ширина которой нигдѣ не превышала ружейнаго выстрѣла, и горцы, пользуясь этимъ, нерѣдко устраивали засады на той сторонѣ совершенно безнаказанно, и ничѣмъ не рискуя. Все дѣло усложнялось еще тѣмъ, что непріятельскій берегъ былъ высокій и гористый, а нашъ—ровный и низменный, такъ что горцамъ было видно, какъ на ладони, все что у насъ дѣлалось. На подобный объѣздъ требовалось обыкновенно часа полтора. Закончивъ его, внимательно осмотрѣвъ всѣ броды и переправы на Бѣлой, а равно и ближайшія лѣсныя

трущобы, офицеръ, водившій эскадронъ, рапортовалъ о благополучіи. Тогда только выпускался на пастьбу станичный скотъ вблизи отъ ограды и подъ охраною казачьихъ пикетовъ. Затѣмъ весь дивизіонъ, при всѣхъ офицерахъ, отправлялся на Бѣлую, на водопой: дежурный эскадронъ шелъ засѣдланный и зануздан-ный, а другой зануздaнный, но на попонкахъ; люди обоихъ эскадроновъ—въ полной боевой аммуниціи. Подходя къ Бѣлой, для охраны водопоя вызывались впередъ наѣздники и разставлялись цѣпью въ водѣ у противоположнаго берега рѣки. Подъ ихъ при-крытіемъ въѣзжали тогда въ рѣку эскадроны по оче-реди съ такимъ расчетомъ, чтобы одинъ поилъ ко-ней, а другой стоялъ на берегу въ резервѣ, въ пол-ной боевой готовности. Цѣпь наѣздниковъ зачастую вела при этомъ жаркую перестрѣлку. По возвращеніи дивизіона въ коновязь, если не случалось тревоги, то люди имѣли часа полтора свободнаго времени: затѣмъ въ 11 часовъ обѣдали, а въ 2 часа пополу-дни наступало время фуражировки, какъ для драгунъ такъ и для жителей станицы. Выѣзжало на фуражи-ровку обыкновенно возовъ—200—300, съ денщиками, бабами и ребятишками. Выстроивъ ихъ въ нѣсколько рядовъ, кавалерія конвоировала ихъ до мѣста, лежав-шаго иногда въ верстахъ 5-ти или 6-ти отъ станицы. Мѣсто это, предварительно и тщательно осмотрѣн-ное уже наѣздниками, оцѣплялось, и тогда только драгуны, сдавъ лошадей коноводамъ, вмѣстѣ съ казаками и жителями начинали косить сѣно. Косьба продолжалась обыкновенно около $^3/_4$ часа. Затѣмъ подавался сигналъ „по возамъ“; трава навьючи-валась на сѣдла и наваливалась на возы. Тогда возы снова выстраивались въ ряды, и кавалерія за-канчивала вьюченіе своихъ лошадей, когда по „ап-пелю“ стягивались наконецъ наѣздники изъ цѣпи,

тогда только начальникъ фуражировки могъ успокоиться, и, въ виду страшной лежавшей на немъ отвѣтственности за цѣлость всего охраняемаго имъ люда, обыкновенно снималъ фуражку и отъ души осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Возвращались въ станицу въ 6-мъ часу по полудни. Вечеромъ водопой на Бѣлой, опять съ тѣми же предосторожностями и тою же зачастую перестрѣлкою. Послѣ такого трудового дня ложились спать рано, но иногда и совсѣмъ не ложились, потому что въ сумеркахъ прискачетъ, бывало, казакъ и привезетъ „цидулку" съ приказаніемъ выступать на ночь, въ виду ожидающагося нападенія, тихо, безъ говора и куренья и расположиться у такого то мѣста. Пролежавъ всю ночь съ поводомъ въ рукахъ и не дождавшись по большей части никакого нападенія, драгуны возвращались домой, чтобы съ ранняго утра начинать ту же трудную службу.

Перечитывая разсказы о быломъ Нижегородца, положительно удивляешься его выносливости. Войну и трудную работу приходилось нести часто въ крайне нездоровой мѣстности. Во время дѣйствій на берегахъ Бѣлой рѣки въ двухъ эскадронахъ Нижегородскаго полка, едва набиралось сорокъ человѣкъ, могшихъ сѣсть на коней, остальные были больны лихорадками. Если требовался въ нарядъ взводъ драгунъ при одномъ офицерѣ; требовался полуэскадронъ, то выѣзжали тѣ же сорокъ человѣкъ при двухъ офицерахъ. Если же надо было эскадронъ или дивизіонъ, то ѣхали опять таки тѣ же 40 Нижегородцевъ, но при большемъ числѣ офицеровъ.

Но ни трудныя работы, ни утомительные покосы, ни изнурительныя болѣзни, не оказывали дѣйствія на Нижегородца. И въ бою и въ мирное время, онъ все тотъ же лихой драгунъ, „Шайтанъ—драгунъ".

Идетъ ли съ фуражировки Нижегородскій полкъ, съ ученья или труднаго похода, это все тотъ же славный боевой Нижегородскій полкъ.

Люди молодецъ къ молодцу: кони сытые, убранные. Впереди заливается лихой запѣвало, а пѣсенники подхватываютъ на разные голоса могучія пѣсни о старыхъ дѣлахъ непобѣдимаго Нижегородскаго полка.

Во время посѣщенія Кавказа въ 1850 году, Цесаревичъ Александръ Николаевичъ разъ ѣхалъ верхомъ и слушалъ Нижегородскія пѣсни. То были старыя пѣсни про Шамиля, Хаджи-Мурата, Салты, Кутиши... Въ пѣсняхъ веселыхъ Нижегородцевъ было столько грома и молніи, ихъ запѣвало 1-го эскадрона, Ченкинъ, извѣстный всему Кавказу весельчакъ и балагуръ, съ гремучими ложками, убранными красными и зелеными лоскутами сукна, разсыпался такимъ мелкимъ бѣсомъ, что Цесаревичъ нѣсколько разъ пріостанавливалъ коня, чтобы полюбоваться его молодечествомъ, и тутъ же приказалъ перевесть въ гвардію.

Въ Августѣ 1901 года Августѣйшій Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи, Великій Князь Николай Николаевичъ, прибылъ въ Александрополь для инспектированія собранныхъ десяти полковъ Кавказской конницы. Послѣ смотра, за нѣсколько часовъ до отъѣзда, Его Высочество изволилъ изъявить свое милостивое согласіе присутствовать на скромномъ завтракѣ офицеровъ Кавказской кавалеріи.

По Кавказскому обычаю, посреди разбитыхъ полукругомъ шатровъ расположились оркестры музыки и хоры пѣсенниковъ и играли и пѣли передъ Августѣйшимъ гостемъ.

Лихая лезгинка молодцевъ терцевъ смѣнилась унылыми своеобразными пѣснями Кубанскихъ казаковъ...

Вдругъ за палатками вдали послышался звонъ тарелокъ и бубна и звуки задорной молодецкой пѣсни..

„Это Нижегородскіе пѣсенники!“ раздалось въ шатрахъ.

То были дѣйствительно пѣсенники — Нижегородцы, задержанные маневрами.

Смѣло, увѣренно шли молодцы драгуны. Бунчукъ прыгалъ въ воздухѣ, тарелки звенели, бубенъ грохоталъ. Кубанцы какъ-то невольно, сами собою, дали мѣсто.

Лихой запѣвало, унтеръ-офицеръ 2-го эскадрона Барминъ, пѣлъ дивную пѣсню про дѣла Нижегородцевъ. Сознательно, отчетливо произносилъ онъ слова, видимо гордясь заслугами дѣдовъ и отцовъ. А хоръ загорѣлыхъ драгунъ съ блестящими глазами, весело подхватывалъ...

Все притихло въ палаткахъ и обратилось въ слухъ. Каждый изъ присутствующихъ невольно думалъ: „Ну, и молодцы Нижегородцы. Кто такъ поетъ, тотъ навѣрно также лихо можетъ драться!“

И пѣсни Нижегородцевъ оцѣнилъ Великій Князь: Адъютантъ Его Высочества, ротмистръ Ростовцевъ, вынесъ Бармину часы съ портретомъ Великаго Князя.

„Покорно благодарю, Ваше Императорское Высочество,“ гаркнулъ Барминъ, и тутъ же надѣлъ часы.

Но на этомъ не остановилась милость Августѣйшаго Генералъ-Инспектора. Передъ отъѣздомъ Его Высочество позвалъ снова къ себѣ въ покои Нижегородскихъ пѣсенниковъ, слушалъ ихъ боевыя пѣсни, неоднократно благодарилъ, и не только поцѣловалъ Бармина, но и велѣлъ молодцу запѣвалѣ Себя поцѣловать два раза.

Таковъ доблестный Нижегородецъ, вѣрный слуга Царя и Отечества, храбрый въ сраженіи, сердечный внѣ боя.

Измѣнился ли теперешній солдатъ, молодой Нижегородецъ? Конечно нѣтъ!

Мѣняются отдѣльныя люди, но остается тотъ же полкъ, та же старая, двухъ-вѣковая слава. Можетъ ли кто рѣшиться забыть дѣла дѣдовъ и отцовъ!

Слава Нижегородскаго полка, доблестная, всѣмъ извѣстная, охранитъ полкъ и въ будущемъ.

Впереди насъ конечно новыя дѣла, новыя отличія. Конца имъ нѣтъ и не будетъ!

Въ тяжелую годину войны на Дальнемъ Востокѣ, когда всѣ усилія вѣрныхъ сыновей Россіи должны были быть направлены къ побѣдѣ надъ японцами, *внутренніе враги* наши задумали поднять смуту противъ Царя и Отечества.

Готовая уже нанести японцамъ рѣшительный ударъ, славная Манджурская армія наша, должна была пріостановить свои дѣйствія и Россія принуждена была заключить съ Японіей миръ.

Увлекши несбыточными мечтаніями и пустыми обѣщаніями многихъ легковѣрныхъ и слабыхъ сердцемъ людей, враги внутреннія погубили въ братоубійственномъ, безсмысленномъ бунтѣ много человѣческихъ душъ, сбили съ толку не мало молодежи и нарушили покой земли русской.

Но Господь Богъ хранилъ дорогое Отечество наше и орудіемъ Своего Промысла выставилъ Благочестивое Русское Воинство, вѣрное Царю, Отечеству и присягѣ.

Блестящимъ представителемъ нашей арміи, какъ всегда, явился **доблестный, старый Нижегородскій полкъ.** Въ теченіе трехъ лѣтъ полкъ почти безпрерывно охранялъ Тифлисъ, неся разъѣздную службу, конвоируя денежные транспорты и государственныхъ преступниковъ и возстановлялъ и поддерживалъ порядокъ въ городѣ. Въ то же самое время Нижегородскіе эскадроны командировались въ разныя мѣстности Закавказья для водворенія тишины и спокойствія.

И вездѣ, какъ и прежде, Нижегородцы поддержали свою старую и неизмѣнную доблесть.

При Нижегородцѣ никто никогда безнаказанно не смѣлъ, не только дѣломъ, но даже словомъ, нарушить присягу.

Въ маѣ 1905 г. рядовые эскадрона Его Величества, Евсевій Кухаренко, Илья Пономаренко и Терентій Зарицкій задержали и доставили въ полкъ для передачи полиціи армянина поносившаго Правительство. Молодцы драгуны получили благодарность и денежную награду.

Каждый Нижегородецъ отлично знаетъ, что всякій подстрекающій на бунтъ, является врагомъ внутреннимъ. Такихъ людей молодцы драгуны всегда схватывали и представляли начальству.

Какъ-то въ мартѣ 1905 г. старшій писарь Садовскій и полковой каптенармусъ Плавитъ зашли закусить въ духанъ. Тутъ же находилось нѣсколько солдатъ другихъ частей и штатскіе. Вдругъ одинъ изъ послѣднихъ всталъ и началъ рѣчь, въ которой уговаривалъ солдатъ не исполнять своего долга. Услышавъ такіе слова, Садовскій и Плавитъ рѣшили захватить крикуновъ. Пока Садовскій продолжалъ говорить съ агитаторами, Плавитъ привелъ полицію. Оба драгуна удостоились благодарности начальства и денежной награды.

Каждый Нижегородецъ всегда готовъ жертвовать своею жизнью, исполняя присягу, и неизмѣнно проявляетъ храбрость и смѣлость, соединенную со сметливымъ исполненіемъ долга.

Въ іюнѣ 1905 года 3-й эскадронъ находился въ Гори. Однажды вечеромъ унтеръ-офицеры Балабановъ и Мамулашвили зашли въ духанъ, гдѣ въ это время сидѣла кампанія изъ нѣсколькихъ агитаторовъ. Увидя

двухъ драгунъ, они начали сбивать ихъ съ толку. Но унтеръ-офицеры сразу догадались въ чемъ дѣло и рѣшили изловить кампанію. Пообѣщавшись прійти въ духанъ черезъ часъ за прокламаціями, Балабановъ и Мамулашвили быстро сбѣгали въ эскадронъ и доложили обо всѣмъ вахмистру Чичкѣ. Послѣдній немедленно назначилъ шесть человѣкъ и направилъ ихъ къ духану.

По дорогѣ удалось арестовать одного изъ агитаторовъ. Затѣмъ Нижегородцы выставили кругомъ духана три поста, а Балабановъ и Мамулашвили вошли въ духанъ. Какъ только агитаторы передали прокламаціи, Мамулашвили объявилъ агитаторовъ арестованными. Но бунтовщики обнажили кинжалы. Послѣ горячей схватки въ духанѣ и на улицѣ Нижегородцы арестовали своихъ враговъ.

За такое примѣрное поведеніе благодарилъ молодцовъ драгунъ и командиръ полка, и самъ Главнокомандующій, Графъ Воронцовъ-Дашковъ не только объявилъ спасибо Балабанову и Мамулашвили, но и выдалъ каждому по 15 р. награды.

Каждый Нижегородецъ всегда готовъ помочь гражданскимъ властямъ поймать преступника, выказывая при этомъ находчивость и распорядительность: Это доказали въ августѣ 1905 г. въ Авчалахъ корнетъ Шатиловъ, унт.-офиц. Емельяненко и рядовой Малаховъ, преслѣдуя бѣжавшаго изъ поѣзда убійцу. Не меньшую распорядительность выказали шт.-ротм. Кесаревъ и полковой адъютантъ поручикъ князь Трубецкой, поймавшіе съ рядовыми Покровскимъ и Генитадзе другого убійцу на Песковской улицѣ въ Тифлисѣ. Наконецъ въ февралѣ 1907 г. благодаря распорядительности многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка около казармъ были задержаны три грабителя. Тутъ особенно отличились унт.-офицеръ

Гаврикъ и рядовой Веревченко, награжденные потомъ за подвигъ серебряными медалями.

Въ особенности опасаются Нижегородцы всякихъ запрещенныхъ сходокъ и всегда готовы изловить тѣхъ, кто смущаетъ легковѣрныхъ и подбиваетъ ихъ нарушить присягу.

Переведенные изъ Кавказскаго запасного дивизіона въ эскадронъ Его Величества ефрейторы Пономаренко и Савченко въ 1906 г. арестовали цѣлую сходку въ Армавирѣ и получили знаки отличія св. Анны и денежныя награды.

При исполненіи обязанностей службы Нижегородецъ остается вѣрнымъ своему долгу и никто не можетъ его соблазнить. Такъ поступили рядовые Николай Сухининъ и Иванъ Волошинъ, когда задержанный ими татаринъ, хотѣлъ ихъ подкупить, дабы получить захваченное у него оружіе.

Содѣйствуя гражданскимъ властямъ, Нижегородцы выказывали, гдѣ нужно самоотверженіе, защищая слабыхъ и обиженныхъ. Въ особенности проявили это 2-й и 4-й эскадроны во время армяно-татарской рѣзни.

Усмиряя жителей, Нижегородцы рѣшительны и великодушны, зная, что иногда спокойствіемъ и хладнокровіемъ можно достичъ большихъ результатовъ. Своимъ спокойствіемъ въ 1905 г. ротмистръ де-Шмиденъ-Ковальскій спасъ многихъ жителей отъ разорѣнія и успокоилъ враждовавшихъ армянъ и татаръ.

По отношенію же къ разбойникамъ, обижающимъ мирныхъ обывателей, Нижегородецъ неумолимъ: тутъ онъ дѣйствуетъ крайне рѣшительно, проявляя обычную храбрость.

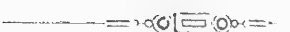
Въ февралѣ 1905 года 3-й эскадронъ поймалъ около колоніи Анненфельдъ двухъ тамошнихъ раз-

бойниковъ послѣ кровопролитной схватки, въ которой отличились корнетъ кн. Чхотуа, вахм. Никифоровъ, унт.-офиц. Фоминъ и рядовые Бутъ, Бзнюкинъ, Бондаренко, Школа и Ткаченко. Всѣ нижніе чины были награждены знаками отличія св. Анны.

Оставался неизмѣнно вѣрнымъ присягѣ и долгу, Доблестный Нижегородецъ, всегда веселъ, бодръ и счастливъ, такъ какъ совѣсть у него чиста.

Не страшно ему также, что кто либо можетъ сказать, что теперешніе Нижегородцы хуже прежнихъ, стариковъ. Нѣтъ, за доблестную службу мирнаго времени, за борьбу съ врагами внутренними 9 человѣкъ были награждены знакомъ отличія св. Анны, двое серебряными медалями 4-й степени съ надписью „за храбрость“, золотыми медалями за усердіе 8 человѣкъ и серебряными медалями за усердіе 51 человѣкъ.

За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадетъ!!

Въ 1701 году по приказанію Государя Петра Великаго для борьбы со шведами окольничій Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ сформировалъ драгунскій полковника Морелія полкъ, нынѣшній 44-й Драгунскій Нижегородскій Его Величества.

Молодые драгуны приняли боевое крещеніе при осадѣ Нарвы и затѣмъ подъ Лѣснымъ и Полтавою. Въ Полтавскомъ бою первое шведское знамя, взятое въ жестокой кавалерійской сѣчѣ, было добыто Нижегородскимъ полкомъ. Съ тѣхъ поръ военная слава не покидала его знаменъ. Померанія, Пруссія, Польша, Турція, Молдавія и Крымъ были свидѣтелями его подвиговъ. Изъ конца въ конецъ исходилъ онъ Россію, посѣтилъ широкія Оренбургскія степи, и, наконецъ, въ 1783 году появляется на Кавказѣ вмѣстѣ съ Суворовымъ.

Тутъ принимаютъ Нижегородцы участіе въ безконечныхъ войнахъ съ горцами на Терекѣ, Сунжѣ, Сулакѣ и недоступныхъ горахъ Кавказа. Дѣла на Гойтѣ и Рошнѣ, Салты, Кутиши... обезсмертили полкъ. На Кавказѣ же, въ войнахъ съ Персіею и Турціею, Нижегородцы покрываютъ себя выдающеюся славою при Елисаветполѣ, Бейбуртѣ, Башкадыклярѣ и Кюрюкъ-Дара, при Бегли-Ахметѣ и на Визенкевскихъ высотахъ.

За двѣсти лѣтъ своей службы Нижегородскій полкъ заслужилъ слѣдующія отличія:

1) **Георгіевскій Штандартъ съ надписью:** „за отличіе оказанное въ Персидскую войну 1826, 1827 и

1828 г.г.“ „за отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851 г. и въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24 іюля 1854 г.“.

На Штандартѣ имѣются:

2) **Георгіевская широкая лента I класса** съ надписью „за дѣло при Бегли-Ахметѣ и за сраженіе 2-го и 3-го октября 1877 года на Орловскихъ и Аладжинскихъ высотахъ“.

3) Юбилейная Александровская лента съ надписью „1701—1901“ **(Высочайше пожалована 8 сентября 1901 года).**

4) **17 Серебряныхъ Георгіевскихъ трубъ** съ надписью „за отличные подвиги при пораженіи 36000 Турецкаго корпуса на Башъ-Кадыклярскихъ высотахъ 19 ноября 1853 года“ (пожалованы 21 января 1854 года.

5) У всѣхъ чиновъ полка **знаки на шапкахъ съ надписью „за отличіе“** пожалованы 22 октября 1830 года за мужество и храбрость въ войнахъ съ Персіей и Турціей въ 1826, 1827, 1828, и 1829 г.г.

6) Штабъ и оберъ-офицеры полка имѣютъ на воротникахъ и обшлагахъ **золотомъ шитыя петлицы за военное отличіе;** пожалованы Высочайшимъ приказомъ 10 октября 1854 г. за Турецкую войну.

7) У нижнихъ чиновъ полка **на воротникахъ и обшлагахъ петлицы изъ Георгіевскаго шерстяного басона;** пожалованы Высочайшимъ приказомъ 25 августа 1864 г. за долговременную и славную боевую службу на Кавказѣ.

Кромѣ этихъ отличій въ полку имѣются слѣдующія полковыя регаліи:

1) Два Штандарта царствованія Императрицы Анны Іоанновны.

2) Пять Штандартовъ царствованія Императора Александра I.

3) **Георгіевскій Штандартъ перваго дивизіона** (до 1901 года полковой) съ надписью „за отличіе оказанное въ Персидскую войну въ 1826, 1827, и 1828 г.г.“ Пожалованъ полку 27 Іюля 1828 года.

На Штандартѣ имѣются: 1) **Широкая Георгіевская лента съ надписью** „за сраженіе 2-го и 3-го октября 1877 г. на Аладжинскихъ высотахъ“ пожалована 13 октября 1878 г. 2) Александровская юбилейная лента.

4) **Георгіевскій Штандартъ второго дивизіона съ надписью** „за отличіе оказанное въ Персидскую войну въ 1826, 1827 и 1828 г.г. и за отличные подвиги въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24 Іюля 1854 г.“ Пожалованъ полку 30 Августа 1856 г.

На Штандартѣ имѣются: **Широкая Георгіевская лента съ надписью** „за дѣло при Бегли-Ахметѣ 18 мая и на Орловскихъ высотахъ 2-го октября 1877 г.“ пожалована 13 октября 1878 г. и 2) Александровская юбилейная лента.

5) **Георгіевскій Штандартъ 2-го дивизіона** съ надписью „за отличіе оказанное въ Персидскую войну въ 1826, 1827, 1828 г.г.“ пожалованъ 27 Іюля 1828 г.

6) **Георгіевскій Штандартъ 3-го дивизіона съ надписью** „за отличіе оказанное въ Персидскую войну въ 1826, 1827 и 1828 г.г.“ пожалованъ 27 іюля 1828 г.

7) **Георгіевскій Штандартъ 4-го дивизіона** съ надписью „за отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851 г.“ пожалованъ 25-го марта 1851 г.

8) Мундиры и шашки въ Бозѣ почившихъ Императоровъ Александра II-го и Александра III-го.

Въ полку числятся:

1) Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Зачисленъ въ полкъ 26-го марта 1906 года.

2) Генералъ-Фельдмаршалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Зачисленъ въ полкъ 13-го октября 1863 года.

